

ВОЛЬНЫМ ЛЕКАРЬ

УЧЕНИК

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН

ЕГОР ЗЛОТАРЕВ

**Егор Золотарев
Сергей Карелин**

Вольный лекарь. Ученик. Том 2
Серия «Вольный лекарь», книга 2

*<https://litres.ru/73774322>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Я покинул уединенную деревню и прибыл в большой город, чтобы исцелять людей с помощью способности духогляда и своих рун. Однако не все готовы принять меня и мою магию. Служители «Лица Истинного» видят угрозу в моём даре, городские власти относятся с недоверием и запугивают тюрьмой. На пути своего развития и поиска места в этом мире мне предстоит выдержать жестокие испытания, столкнуться с интригами и борьбой за право быть самим собой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	72
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Егор Золотарев, Сергей Карелин Вольный лекарь. Ученик. Том 2

Глава 1

Площадь Иркутска была мощена крупным серым булыжником. Местами между камнями торчали пучки травы. Вокруг высились громоздкие здания в несколько этажей. Многие из них были огорожены заборами.

По краям площади тянулись ряды деревянных лавок и торговых палаток, накрытых навесами из парусины, защищающих товар от дождя и птичьего помета. Здесь продавали различную выпечку, соленья, варенья, мед, яблоки и молоко. То, что можно быстро распродать и освободить площадь, если понадобится.

На противоположной стороне высился еще один храм «Лика Истинного». Снаружи храм был побелен. Украшали его нарисованные позолотой глаза, расположенные над большими арочными окнами с разноцветной мозаикой. Мне стало не по себе, когда я вспомнил таблички с нарисованными

глазами, которые будто видели меня насквозь.

В центре площади стояли извозчики с лошадьми, запряженными в легкие экипажи. На мордах некоторых лошадей висели холщовые мешки с овсом. Остальные же жевали сено, лежащее прямо на мостовой. Несколько извозчиков перепранивались, деля между собой место стоянок. Кое-кто лежал в своем экипаже и храпел на всю округу.

Вокруг слышались громкие разговоры, звон колокольчиков, висящих на шеях лошадей, детский смех и прочее. В общем, на площади было довольно оживленно и шумно.

Я повел Пепельную вдоль палаток, обходя телеги и тачки. Хотелось осмотреться, прежде чем начну зазывать народ. После вчерашнего дня на рынке я был более уверен в своих силах и знал, что не составит особого труда привлечь народ.

Сразу за рядом палаток высился столб с прибитыми на нем многочисленными объявлениями: афиши цирка и театра, перечень новых законов, бумажки о пропавших людях, лошадях и экипажах. Также имелись записи о покупке и продаже дома или клочка земли.

Возле одноэтажного здания с облупившейся желтой краской и массивной дубовой дверью — городской управы — увидел городского. Это был мужчина лет пятидесяти с густыми длинными закрученными усами и строгим цепким взглядом.

На нем была серая суконная форма, высокие, начищенные до блеска сапоги и фуражка с гербом империи.

Я решил, что следует держаться от него подальше, и продолжил путь, внимательно осматриваясь и прислушиваясь к разговорам. Обойдя всю площадь, я понял, что лучше встать в центр, неподалеку от извозчиков.

Проходя мимо старичка, сидящего на перевернутом корыте, увидел, что тот торгует деревянными игрушками, поделками из бересты и лыка. Мне на глаза попалась трещотка.

— Сколько стоит? — взял трещотку и покрутил ее.

Веселый озорной треск разошелся на всю округу, усиливаясь эхом от стен каменных зданий.

— Бери за пять, — махнул рукой старик.

— Пять рублей? Дорого, — возмутился я и хотел вернуть трещотку на место, но он остановил меня.

— Пять копеек.

— А-а, — я с облегчением выдохнул, нашел в кармане монету в пять копеек и расплатился.

Затем приблизился к извозчикам, которые не обратили на меня никакого внимания, взобрался на Пепельную и, закрутив трещоткой, прокричал:

— Слушайте, слушайте, слушайте! В ваш город прибыл знаменитый сибирский знахарь-шептун! Лечит от всех хворей: от горячки до чахотки! Не упускайте случая излечиться и жить долго без мучений!

Люди настороженно прислушивались ко мне и потихоньку начали подходить.

— Знахарь Ерофей много лет помогает людям! Я — его

ученик из сильного рода духоглядов! Мне достаточно один раз посмотреть на вас, чтобы увидеть недуг! Спешите! Лучше провериться и жить спокойно, чем внезапно помереть от болезни! Знахарь принимает на улице Власова, дом семь. Не забудьте и не перепутайте: Власова, семь! — я старался говорить уверенно, вкладывая в голос силу.

Люди, привлеченные звуком трещотки и моими криками, начали медленно подходить ко мне.

— Эй, милоч, кого, ты говоришь, к нам опять нелегкая привела? Еще один увалень хочет своими снадобьями нас дурить? — насмешливо спросила женщина с большой корзиной в руках.

В корзине виднелся кочан капусты, связка лука и большая круглая головка желтого сыра.

— Никто дурить не собирается! Ерофей Харитонович заговаривает болезни и настойки, которыми лечит. Я же — духогляд, определяю болезни. К тому же сам могу лечить.

— Ну-ну, посмотрим, что вы там умеете, — на ее губах до сих пор была насмешливая улыбка. — Где, говоришь, обосновались?

— Улица Власова, дом семь! — как можно громче прокричал я, чтобы все услышали.

Руку поднял молодой бледный мужчина с двумя баранами на привязи.

— Парень, а сердце твой знахарь лечит? — в его голосе слышалась надежда. Он прижал руку к сердцу и в напряже-

нии посмотрел на меня.

Я понял, что подвернулась отличная возможность продемонстрировать свои силы.

Спрыгнув с Пепельной, подошел к нему и чуть отодвинул ворот рубашки. Синяя сущность сердечной болезни заполняла всю его грудь. Она походила на жука-переростка с черными острыми жвалами и толстым панцирем. Мне сразу стало понятно: болезнь развилась и скоро начнет убивать. Медлить больше нельзя.

— Дайте вашу руку, — велел я.

— Это еще зачем? — насторожился он.

— Сниму боль ненадолго. Чтобы одолеть такую запущенную болезнь, нужно время. А пока могу предложить облегчить ваше состояние.

Он уже хотел протянуть руку, но остановился.

— Погоди, а денег ты с меня сколько возьмешь?

— Нисколько. Помогу бесплатно, — заверил я.

— Ну ладно. Лечи, раз можешь, — он протянул мне свою большую мозолистую руку с толстыми пожелтевшими ногтями.

Люди с интересом наблюдали за нами.

У меня было не так много сил, поэтому решил пока изобразить руну «Облегчения боли». Как только руна вспыхнула и пропала, я внимательно посмотрел на мужчину.

— Как себя чувствуете? Легче стало?

Тот прислушался к себе, прижав освободившуюся руку к

груди, и его брови удивленно поползли вверх.

— А ведь и вправду полегчало. Сердце больше не жмет и в руку болью не отдает. Вот ты молодец! — он расплылся в улыбке и по-свойски ударил меня по плечу.

Затем обернулся к толпе и с горящими глазами повторил.

— Ей-богу, не вру! Не болит больше сердечко, а ведь с самого утра меня мучило.

Я поспешил сразу же его предупредить:

— Я лишь снял боль. Болезнь осталась. Вам нужно заняться своим здоровьем. Если к нам не придете, так хоть в местную лечебницу сходите. С сердцем шутки плохи.

— Теперь уж точно к вам приду. Завтра ж, — заверил он.

Я оглядел толпу. Некоторые мялись в нерешительности, другие с вызовом смотрели на меня, ожидая продолжения представления. Еще бы! Народ жаждал зрелищ.

— У кого что болит? Подходите, не стесняйтесь! Здесь я денег не возьму!

Из толпы отделился пожилой мужчина.

— Парень, а зубы твой знахарь лечит? Уже три ночи не сплю, так и ноет.

— Лечит! Все лечит: и зубы, и кости, и голову, и живот, — кивнул я.

— А денег сколько возьмет? — осторожно уточнил он.

— Не волнуйтесь, мы берем по средствам. Последнее из человека не тянем, — уверенно заявил я, ведь про себя решил, что больше не позволю Ерофею обманывать людей, пу-

гая страшными болезнями. По совести лечить будем.

Толпа увеличивалась прямо на глазах. Похоже, народ на площади никуда особо не торопился, поэтому зевак оказалось гораздо больше, чем на рынке.

Тут меня кто-то подергал за рукав. Обернувшись, увидел женщину с двухлетним ребенком на руках.

— Сынок мой мается, кашляет сильно. Я его над горячей картошкой держала, водкой обмазывала, бусы из чеснока на шею повесила, но все без толку. Может, посмотришь его, а?

Она повернула ребенка ко мне лицом, и тот сильно закашлялся.

— Слышишь, кашляет, будто лает? Знаю, нехорошо это, — понизив голос, встревоженно прошептала она.

— Да, вы правы. Нехорошо. Поднимите рубашонку.

Женщина послушно оголила ребенка. Я увидел болезнь в виде небольших серых слизней на груди, которые пульсировали так, будто дышали. Можно попробовать вылечить ребенка с помощью руны «Исцеления».

Не спрашивая разрешения у матери, я взял ручку малыша, развернул пальчики и быстро начертил знаки. Руна вспыхнула и исчезла. Через несколько секунд прямо на моих глазах серые слизи пропали. Кружок энергии отделился от нежного детского тела и полетел в мою грудь.

— Вот и все. Он здоров, — улыбнулся я ребенку, который словно замороженный наблюдал за мной и за все время ни разу не пикнул. Не считая навязчивого кашля, который про-

пал в ту же секунду, как сработала руна.

— Как здоров? Совсем здоров? — она приподняла мальчика и приложила ухо к его груди. — Не хрипит. Неужто вылечил? Вот так просто?

— Совсем не просто, — улыбнулся я и предупредил: — Но впредь одевайте ребенка потеплее. Весна еще. Если замерзнет, болезнь может вернуться.

— Все сделаю, как скажешь. Спасибо тебе, — она всунула мне в руку купюру в один рубль, стянула с головы платок, обмотала им ребенка и поспешила прочь.

Следом за ней ко мне подошли еще несколько человек. Одного одолела подагра и ноющее плечо. Другой на один глаз ослеп. Третий два дня назад ногу подвернул. И тому подобное. Кому мог — сразу помогал. Остальных отправлял к Ерофею. Но не потому, что он справится с болезнью лучше, а потому что мне тоже нужно время и запас энергии на лечение этих людей. Ведь сил не так много, а у меня не было заготовлено рун для лечения всех этих болезней. К тому же возрастному солидному человеку было больше доверия, чем мне — его малолетнему ученику.

Когда уже собирался уезжать, ко мне подошли два парня лет пятнадцати.

— Эй, — окликнул меня рыжий парнишка с темно-коричневыми веснушками на лице. — А если я к твоему знахарю приду, он мне росту добавит?

Второй — бритый налысо и в лаптях на босу ногу, прис-

нул в кулак.

— Нет, не добавит. Но, если надо, я могу от шуток вылечить. Говорят, плетью хорошо шутки выбиваются, — я улыбнулся и показал на плетку, которую засунул за пояс, но так ни разу и не воспользовался ею.

— Э-э, не-е-е-е, на такое мы не согласны, — протянул рыжий. — Дай хотя бы на лошади покататься? Я хороший ездок, мне даже седло не надо.

— Ты мне что? — с улыбкой спросил я.

— А что хочешь, — с вызовом ответил он. — Могу дровишки расколоть, огород вспахать и листовки развесить. Я даже один раз в богатом доме работал. На кухне всю грязную работу делал.

— Нет, лошадь я тебе не дам, однако работу могу предложить. Но не сейчас, позже. Приходи через неделю на улицу Власова, дом семь.

— Лады, — кивнул он. — Приду. Деньги мне всегда нужны.

Я уже хотел тронуться в обратный путь, но тут увидел, что ко мне направляется крупный мужчина в белоснежной рубашке, подпоясанный дорогим кушаком. На голове — черный картуз с небольшим козырьком, а на ногах — мягкие кожаные сапоги. По всему видно — богатый человек. Перед ним шел здоровый детина, который прокладывал ему путь сквозь людской поток, прикрикивая на зазевавшихся и раздавая тычки направо и налево.

Я слез с Пепельной и пошел к нему навстречу.

— Мне тут донесли, что ты про лекаря какого-то говоришь, — зычным голосом спросил мужчина и остановился передо мной, уперев руки в бока. — Где учился твой лекарь? Бумаги какие-то имеются?

Я немного напрягся, но решил, что правда все равно всплывет, поэтому лучше рассказать так, как есть, но осторожно, чтобы не очернить Ерофея, ведь пока я связан с ним.

— Приветствую вас, — почтительно сказал я и чуть склонил голову. — Мы с моим наставником прибыли из далекой сибирской деревеньки. Лекарь — Ерофей Харитонович, из рода знахарей-шептунов, которые много лет занимались лечением людей с помощью заговоров. Я же из рода духоглядов и умею быстро определять болезни. Единственные документы, которые у нас имеются — паспорта, где прописано, откуда мы приехали. Если понадобится, тамошний староста письмом может вам все подтвердить.

Я говорил спокойным, уверенным голосом, не спуская смелого взгляда с подозрительно прищуренных глаз мужчины.

— Давно не слышал ни про шептунов, ни про духоглядов. С приходом официальной медицины таких, как вы, здесь давно не было, — задумчиво ответил он. — Сам я купец Вениамин Щеглов. Торгую рыбой и раками. Есть у меня сынок болезненный. Может, посмотришь, раз духогляд? — спросил он и тут же добавил: — Коль поможешь, хорошо заплачу.

— Посмотрю. Куда идти? — с готовностью ответил я. Деньги мне сейчас совсем не лишние.

— Приходи завтра вечером на Амурскую, дом восьмой. Я предупрежу своих, пропустят. Лекарь-то при нем постоянно имеется, только, как оказалось, толку от него немного. Уж столько лет мой сынок мучается, а болезни конца и края нет.

— Поможем, чем сможем, — заверил я.

Купец коротко кивнул, развернулся и пошел прочь. Его телохранитель бросил на меня оценивающий взгляд, хмыкнул и двинулся вслед за хозяином.

Я тоже осмотрел себя и понял, что нужно срочно покупать новую одежду. Если раньше, в деревне, я не сильно выделялся, то теперь, в городе, я походил на тех нищих, что стоят с протянутой рукой на каждом перекрестке.

Посчитав свои деньги, я понял, что мне едва хватит на новую рубашку и штаны. А для более-менее приличного вида надо бы обзавестись головным убором и новыми сапогами.

Я вывел Пепельную с центра площади к дороге, взобрался на нее и поскакал к дому. Как только свернул на нашу улицу, увидел, что у калитки снова собрался народ.

— А вот и духогляд. Только тебя и ждем! — издали выкрикнул мужчина в грязном переднике. — Знахарь говорит, что без тебя людей не принимает, вот и ждем не дождемся, когда явишься, — с укоризной добавил он, когда я подъехал к забору и спрыгнул с лошади.

Остальные гулом поддержали его.

Я завел Пепельную в сарай и зашел в дом. Ерофей ходил по кухне из угла в угол и явно был недоволен.

— Где тебя черти лысые носят? — возмутился он, увидев меня на пороге. — Чего так долго?

— На площади был. Народ зазывал, — пояснил я, подошел к бочку, зачерпнул ковшом воду и начал жадно пить. Солнце палило нещадно, поэтому весь взмок.

— Давай скорее, с самого утра здесь пасутся, — поторопил Ерофей, выглядывая в окно. — Только сразу предупреди, что без денег никого не берем.

— Всех берем, — с нажимом произнес я. — И цену будем выставлять сообща.

— Че-го? — возмущенно протянул он. — Да что ты в этом понимаешь?

— Много что, — сухо ответил я. — И страшными болезнями больше никого пугать не будешь.

— Ты что-то много на себя берешь, — глаза Ерофея зло прищурились. — Я здесь главный, и последнее слово за мной.

— Главный? — усмехнулся я. — Ну раз главный, сам все и делай, а я посмотрю.

Ерофей поджал губы и задергал желваками. Я же спокойно смотрел на него, прекрасно понимая, что последует дальше.

— Ладно, хрен с тобой. Веди уже людей, пока не разошлись, — буркнул он, схватил с гвоздя белый халат и про-

шел в комнату.

Народ на улице, заметив меня, тут же выстроился в очередь. Первым во двор зашел тот самый мужчина в грязном переднике.

— Парень, ты бы ел получше, а то тощий, как бездомная шавка, — усмехнулся он. — Как тебя еще ветром не унесло.

— Не унесет, копейку всегда в кармане держу.

Мы оба рассмеялись.

Как оказалось, мужчина мучился болью в локтевом суставе. Он работал мясником и с утра до вечера махал топором, разрубая кости и куски мяса. Ерофей продал ему одну из своих настоек за рубль, в составе которой были сабельник, репейник, кора белой ивы и корни пырея. Все ингредиенты я сам собирал и мелко нарезал.

Я же со своей стороны нарисовал ему прямо на локте руну «Облегчения боли».

— И все? Вот это и есть ваше лечение? — удивился он, откупорил крышку бутылка и осторожно понюхал.

— А чего ты хотел? — с недовольным видом спросил Ерофей. — Настойка заговоренная. Скоро поможет, только пей, как я тебе сказал.

— Ну ладно. Только ведь не болит уже локоть-то. А может ну ее, эту настойку? Пахнет как-то... — он скривил губы.

— Боль ушла на время. Если не лечить, снова вернется, — заверил я.

— Ладно, выпью эту муть. Надеюсь, не отравлюсь.

Я проводил мужчину до калитки и завел следующих: дед привел внука. У мальчика палец распух. В этом деле помощь Ерофея не понадобится, поэтому я сразу же нарисовал на ладони мальчика руну «Исцеления», и воспаление на глазах спало. Пораженный дед заплатил мне сорок копеек мелкими монетами.

Друг за другом я заводил в дом больных, и мы вместе с Ерофеем оказывали им помощь. Я был против пускания крови, поэтому сразу предупредил лекаря, что такой метод “лечения” он больше не будет применять. Тот поворчал, ведь только останавливая с помощью заговора текущую из раны кровь мог продемонстрировать свои способности шептуна, но также и понимал, что власть сменилась и теперь мои слова имеют больший вес.

К вечеру, когда мы приняли больше тридцати человек, я чувствовал себя на подъеме, ведь накопил много энергии. Ерофей же устал и был раздражен.

— Иди скажи, пусть расходятся. Сил у меня больше нет выслушивать их болячки, — махнул он рукой, когда я пошел провожать старуху, которая выкупила столько бутыльков с настойками, что теперь они звенели в ее карманах при каждом шаге.

— Никого больше нет, последняя была, — предупредил я. — Надо сходить до женщины с чахоткой. Проверить.

— Никуда не пойду. Я сделал все, что мог. Остальное меня не касается, — махнул он рукой и плюхнулся на скамью.

— Помрет — значит судьба такая.

Ага, снова про судьбу. Так он говорил каждый раз, когда нужно было действительно много сил приложить, чтобы вылечить человека. А силы он прикладывает не привык.

Я проводил старуху до дороги и пошел в противоположном направлении, к дому, где жил мальчик с больной матерью.

Тощая собака по-прежнему лежала на крыльце, будто и не вставала со вчерашнего дня. Когда проходил мимо нее, собака приоткрыла один глаз, лениво твякнула, но так и не встала.

На стук дверь открыл тот самый мальчик с серьезным выражением лица и не по-детски взрослыми глазами.

— Пришел-таки. Думал, обманул, — буркнул он и отошел в сторону, пропуская меня.

В доме царил полутьма, только одинокая свеча горела на столе. Увидев меня, женщина откинула одеяло и хотела подняться, но я остановил:

— Лежите-лежите. Как вы себя чувствуете?

— Уже получше, — ответила она и тут же закашлялась.

— Не так в груди жжет, как раньше.

— Хорошо. Распахните рубашку, я хочу взглянуть на ваши легкие.

Мальчик подбежал к матери, подложил еще одну подушку под спину и остался стоять рядом. Женщина развязала веревки на цветастой ночнушке и распахнула вырез.

Я опустил на краешек кровати. Оба выжидательно уставились на меня, пока я «вторым» зрением осматривал женщину.

Болезнь напоминала корни дерева с черными комками наростов. Чахотка застарелая, долго прокладывала себе путь, пока не захватила все пространство. Руна «Исцеления» здесь бесполезна.

— Пейте настойку, она облегчит дыхание, но, чтобы вылечить чахотку раз и навсегда, мне нужно время, — сказал я и поднялся с кровати.

— Скажите, а лекарь придет? — уточнила женщина.

— Нет. Он больше не придет. А я вернусь. Обязательно вернусь, — пообещал я.

Я вышел на улицу и задумчиво двинулся в сторону своего теперешнего дома. С реки дул промозглый ветер, с неба взирал безучастный холодный лик луны.

В прошлой жизни я не только изучил все существующие боевые руны, но и сам создавал их. Мне было легко, ведь у меня имелись все нужные знания. Теперь же мне помогут выжить в этом мире только целебные руны. И вот тут я оказался в тупике. Лечебное дело знал лишь по самым верхам и никогда не углублялся, а человеческий организм настолько сложен, что любая неверная деталь может не вылечить, а погубить.

Мне нужны знания. Знания по анатомии, по различным болезням, по особенностям строения детей, мужчин, жен-

щин, стариков и беременных. Чтобы быть успешным в лечебном деле, я должен все изучить. Но как это сделать?

Если в ситуации с чахоткой я примерно представлял, как действовать, то в случае с беременной не имел ни малейшего понятия. И тут мне в голову пришла замечательная мысль. Мне нужно поговорить с ученым человеком. Лекарем, который владеет знаниями, недоступными мне. И это не Ерофей. От него толку нет.

Завтра же наведаюсь в местную лечебницу и попробую наладить отношения с кем-нибудь из лекарей. А пока мне нужно спокойное, уединенное место, где смогу создать новую руну. Лучше всего делать это на рассвете и поближе к воде.

Решено, утром поеду на берег Ангары и создам первую лечебную руну от чахотки в этом мире.

Глава 2

Когда вернулся домой, обнаружил Ерофея за столом. Он считал наш сегодняшний заработок.

— Двадцать три рубля за день заработал, — с довольным видом сказал он и прислонился спиной к стене. — Если так дело пойдет, через пару месяцев смогу купить собственный дом, а не снимать.

— Половина из этих денег — моя. Как и договаривались, — с нажимом произнес я, радуясь, что теперь смогу и сапоги купить, а может, и жилет. Или даже костюм.

— Зачем тебе деньги? — искренне удивился Ерофей. — За дом я сам плачу. Еду сам покупаю. На кой черт тебе еще деньги нужны? Если пряник сахарный купить или семечки, то вот, рубля хватит, — он подвинул мне мятую купюру.

— Половину, — повторил я, не спуская с него взгляда.

— Вот заладил, — недовольно поморщился лекарь. — Дам я тебе половину, но позже. А пока пусть у меня деньги лежат. Все равно потеряешь или на ерундупустишь.

— Отдай сейчас, или я больше не выйду к больным, — пригрозил я.

Ерофей с раздражением выдохнул, отсчитал десять рублей монетами и высыпал мне в ладонь. Себе забрал купюры и монеты номиналом в пятьдесят копеек.

Я не стал говорить, что лекарь должен еще рубль пятьде-

сят, ведь сам, действительно, ничего не покупал в дом.

Насыпав монеты в носовой платок, завязал его и спрятал под подушку. Завтра пройду по магазинам.

В первый раз с того дня, как попал в это тело, заснул спокойно. Теперь мое будущее не было таким уж туманным. Я знал, куда двигаться, и к тому же у меня все начало получаться. Но больше всего меня радовало то, что я поставил Ерофея на место. Конечно, его не устраивает новое положение дел, но выбора у него нет.

На следующее утро я проснулся раньше обычного и, стараясь не разбудить Ерофея, чтобы не отвечать на неудобные вопросы, вышел на улицу. Со стороны Ангары поднимались клубы тумана. Трава и листья покрывали блестящие капельки росы.

Подошел к сараю и вывел Гнедую, чтобы дать ей тоже возможность размять ноги. Лошадь ринулась на дорогу и принялась радостно гарцевать, ощущая свежий воздух и свободу.

Я скормил ей кусок хлеба и морковь, затем взобрался верхом и, схватившись за гриву, повел в сторону реки. Лошадь двигалась легко, будто на ней и не было седока. Зря Ерофей считал их с Пепельной клячами. Хороший уход и лечение вернули им силы.

Я проехал поперек четырех улиц и повел Гнедую по дороге, ведущую вниз к реке. Вода еще была высокая, поэтому прямо из нее торчали пристани. Вдали виднелись лодки

с рыбаками, плоты с лесом и суда разных размеров.

Мне не нужны были свидетели, поэтому спрыгнул с лошади и повел ее через густые заросли кустарника. Мне требовалось уединенное место, где никто не сможет помешать. Вскоре такое место нашлось. Прямо посреди кустарника и деревьев в двух метрах от темной весенней воды нашел старое кострище и два бревна, служащих кому-то местом для сиденья. Привязав Гнедую к березке, огляделся и, удостоверившись, что рядом никого нет, опустился к земле.

Как раз в это время лучи солнца осветили верхушки деревьев, виднеющихся вдали. Идеальное время для создания новой руны. Я опустился на бревно и вытащил из кармана клочок бумаги и карандаш.

Глубоко вздохнув, закрыл глаза. Именно таким образом я настраивался перед тем, как творить. Первым делом я представил ту сущность, что оплела легкие бедной женщины и питалась ее жизненными силами.

Я никогда так раньше не делал, но получилось неплохо. Черная, словно корни, болезнь в точности предстала передо мной. Для того, чтобы избавиться от чахотки, мне нужно призвать с помощью руны силы природы, а также укрепить волю больной женщины, измученной продолжительным недугом.

Собравшись с мыслями и подобрав все необходимые элементы, я открыл глаза и провел на бумаге вертикальную линию — символ самой жизни. Стержень человека, его ось. За-

тем к нему пририсовал две расходящиеся вверх линии. Одним движением прорисовал у основания короткую волнистую черточку. И последним — круглый замкнутый элемент в самом центре. Именно этот круг будет тем самым оберегающим коконом, который замкнет болезнь, чтобы она больше не распространялась, и постепенно погасит ее.

Уставившись на лист бумаги, я еще раз мысленно представил, как сработает руна, и остался доволен. Теперь надо попробовать применить ее на деле.

Еще раз окинув взглядом воду, лес, лодки с рыбаками и вдохнув полной грудью речной запах, смешавшийся с ароматом ранних цветов, поднялся на ноги и подошел к Гнедой. Лошадь общипала всю траву вокруг березы. Как оказалось, времени прошло достаточно много, не меньше часа. Окунувшись вглубь себя при создании руны, я не заметил течения времени. Мне казалось, что прошло от силы пять минут.

Я сразу поехал к дому чахоточной женщины. Мне не терпелось испытать первую целебную руну, которую изобрел сам. У меня не было стопроцентной уверенности, что руна сразу излечит болезнь, но то, что она ее ослабит и повысит сопротивляемость организма — это точно.

Когда подъехал к уже знакомому дому, мне навстречу вышел мальчик с пустым бидоном в руках.

— Ты вернулся, — с облегчением выдохнул он. — Я-то думал, что соврал и больше не покажешься.

— Почему ты так думал? — спросил я, привязывая ло-

шадь к жерди.

— Потому что денег у нас нет. Вот, пошел на последние копейки матери молока купить.

— Козьего купи, оно полезнее при чахотке.

— На козье у меня денег не хватит, — буркнул он.

Я полез в карман и выудил несколько монет по пять копеек.

— На, держи. Еще и на яйца хватит. И тебе на печатный пряник

— Но... Зачем? — он опешил и не торопился брать деньги. — Вернуть же придется. А возвращать пока не с чего. Мать работать не может, а меня по малолетству никто брать на работу не хочет.

— Ничего возвращать не надо. Держи, от чистого сердца,
— я наклонился, взял его руку и насыпал на ладонь монеты.
— Беги, а я пока твою мать подлечу.

Мальчик с сомнением посмотрел на монеты, затем перевел взгляд на меня и еще раз уточнил:

— Честно-честно возвращать не надо? Без обмана?

— Без обмана, — кивнул я и направился к дому.

Тощая собака при виде меня забила хвостом, радуясь, как старому знакомому.

Женщина уже не лежала, а неспешно подметала веником пол. Увидев меня, она чуть улыбнулась и указала на стул.

— Настойка, что знахарь твой дал, помогает. Видишь, даже на ноги встала.

— Это хорошо. Но я попробую полностью излечить вас. Дайте мне свою руку.

— Ой, погоди-погоди.

Она засуетилась: смела сор на совок и высыпала в печь, тщательно вымыла руки с мылом, насухо вытерла чистым полотенцем и только после этого подошла и протянула изящную руку и тонкими длинными пальцами.

Немного волнуясь, ведь в первый раз испытывал целебную руну собственного изобретения на живом человеке, я аккуратно водил пальцем, вкладывая в каждый штрих свою энергию. И вот последний круг, и руна вспыхнула.

Женщина, которая до этого внимательно следила за тем, что я делаю, вскинула голову и вытаращилась на меня.

— Вам плохо? — вырвалось у меня.

Неужели я сделал что-то не так? А вдруг ей станет еще хуже?

— Что с вами? — я начал терять самообладание, ведь по бледному ошарашенному лицу ничего не было понятно.

Женщина шумно выдохнула, а затем набрала полные легкие воздуха и вновь продолжительно выдохнула. Так она сделала по меньше мере пять раз, прежде чем заговорила:

— Я не понимаю, что со мной. Сначала в груди стало горячо-горячо, будто огнем прижгли. А потом... потом все прошло, и теперь я могу дышать, — она вновь глубоко вздохнула.

— Распахните сорочку, — велел я, немного расслабив-

шись.

Не убил, хуже не стало — уже хорошо.

Женщина послушно развязала веревочки. Я же «переключил» зрение и... ничего не увидел. От сущности не осталось и следа. В это же мгновение от нее отделился шар энергии и исчез во мне, наполняя внутренние резервы.

— Вы здоровы. Руна справилась с чахоткой, — сказал я и не смог сдержать торжествующей улыбки.

Получилось!

— Руна? Так вот что ты рисовал на моей ладони, — она посмотрела на свою руку, затем резко бросилась мне на шею и крепко обняла. — Спасибо тебе, дорогой ты мой. Спасибо! Как же я рада!

Она поцеловала меня в обе щеки и еще раз обняла, заливаясь слезами и хохоча одновременно. Я понимал ее радость, ведь сам был на седьмом небе от счастья.

Вскоре вернулся сын женщины. Она все ему рассказала, и мальчик не смог сдержать слез. Он опустился передо мной на колени и низко поклонился в пол. Я этого точно не ожидал, поэтому сначала опешил, но уже в следующую секунду принялся его поднимать.

— Ну ты что, не надо так.

— Ты не только маму спас, но и меня. Я уже решил, что после ее смерти в Ангаре утоплюсь, — шепнул он мне так, чтобы женщина не услышала.

— Глупости какие. Береги свою жизнь. Это самое ценное,

— я погладил его по макушке и, попрощавшись, вышел.

Мать с сыном проводили меня до калитки и махали руками, пока я не скрылся за поворотом.

Когда вернулся домой, застал Ерофея за приготовлением завтрака. Кроме каши на столе стояла плошка с жирным творогом, шмат соленого сливочного масла и свежий хлеб.

— Где ходишь? — недовольно буркнул он. — Проснулся — тебя нет. Уже и до лавки сходил, и печь растопил, самовар вскипятил, а ты все где-то лазаешь.

— Ходил к чахоточной. Легче ей стало.

— А-а, ну, с моей-то настойкой конечно легче стало.

Я не стал его переубеждать. Пусть думает, что хочет.

Плотно позавтракал, засунул в карман носовой платок с деньгами и направился к выходу.

— Куда это ты собрался? — крикнул лекарь мне вслед.

— Так в Центр. Народ созывать, — я сделал честное лицо.

— А-а, ну иди-иди, — махнул он рукой. — Я пока настойками займусь, а то, когда народ повалит, не с руки будет.

Я накормил лошадей и вывел Пепельную со двора. Когда отъехал от дома, остановился возле двух женщин, неспешно идущих к колодцу с ведрами и коромыслами.

— Подскажите, где ближайшая лечебница?

— На кой она тебе? Ты же ученик знахаря, — удивилась одна и них.

Хм, даже не ожидал, что меня так быстро будут узнавать.

— Так где лечебница? — спросил я еще раз.

— Лечебниц не знаем, а больница есть, — подключилась к разговору вторая женщина с простодушным щекастым лицом и глазами навывате. — Езжай прямо до развилки. Там вправо возьми, и до конца улицы. Затем вверх скачи и увидишь. Мимо не проедешь, на вывеске большими буквами написано «Иркутская городская больница».

— Спасибо, — кивнул я.

Я поехал ровно так, как подсказала женщина. Город уже проснулся, поэтому пришлось влиться в поток всадников, извозчиков и карет с повозками. Чем дальше я отдалялся от пригорода, тем чаще встречал каменные особняки с мезонинами, высокими окнами и балконами. Почти на каждом углу — небольшие трактиры, чайные и постоялые дворы.

Также заметил магазины и ярмарочные ряды. Именно сюда я приду за новой одеждой.

Вскоре я добрался до той самой больницы, про которую говорили женщины. Это было двухэтажное большое здание с голубыми стенами, двускатной крышей, крытой жстью и украшенной деревянной резьбой.

Широкие двустворчатые двери не закрывались ни на миг. Постоянно кто-то заходил или выходил.

Я протиснулся между каретами и подвел Пепельную к столбу, к которому уже были привязаны два коня.

Пока даже не представлял как буду действовать, но решил во что бы то ни стало выяснить, что происходит с беременной и как ей можно помочь.

Подошел к высокому крыльцу и осмотрелся. Рядом виднелись хозяйственные постройки: дровяник, баня, конюшня и сарай для экипажа. На углу два молодых человека в белых халатах и белых шапочках с красным крестом что-то оживленно обсуждали.

Я решил подойти к ним и поговорить.

— Приветствую! — громко поздоровался я, привлекая к себе внимание.

Медики замолчали и повернулись ко мне.

— Здорова. Ищешь кого-то? — спросил тот, что был выше.

— Да, то есть нет. Просто спросить хотел.

— Ну спрашивай, — в нетерпении сказал коренастый и посмотрел на меня из-под насупленных бровей. Ему явно хотелось быстрее вернуться к прерванному разговору.

— У меня есть несколько вопросов по поводу беременной...

— Ой, нет-нет, это не ко мне, — замахал рукой коренастый. — Ладно, пойду. Обед закончился. Опять Михалыч будет ворчать, — взглянув на наручные часы, коренастый быстро удалился, и мы остались вдвоем с высоким молодым человеком, который был выше меня на целую голову.

— Ну? Спрашивай. Деваха твоя, что ли, залетела? — угрюмо спросил он и сложил руки на груди.

— Нет, не моя.

На секунду, я засомневался, говорить ему о том, кто я та-

кой, или нет. В конце концов решил, что рано или поздно все узнают, поэтому сказал прямо:

— Я — духогляд, и кое-что увидел на животе беременной женщины. Сам я не знаю, что это такое, поэтому хотел бы с кем-нибудь поговорить, кто...

— Кто-кто ты? — прервал он меня.

— Духогляд. Вижу болезни в виде сущностей, — пояснил я.

— А-а-а, да, слышал что-то такое, — задумчиво произнес он, с интересом рассматривая меня. — Не знал, что такие еще встречаются.

— Как видишь, встречаются, — развел руками. — Ну так что, поможешь?

— Ну пойдем, — махнул он рукой и двинулся к крыльцу. — Я сам только в прошлом году Московскую медицинскую академию окончил и сюда по распределению поступил на работу. В основном на приеме сижу и старухины жалобы выслушиваю, поэтому кое-что уже подзабылось, — извиняющимся тоном сказал он.

Мы поднялись по деревянным ступеням и зашли в здание. В нос ударила смесь различных запахов, среди которых я узнал терпкий аромат лекарств, мыла, немых тел и свежей извести.

Вместе с лекарем мы двинулись по полутемному коридору, освещенному лишь светом из окон. Кое-где за дверями слышался кашель, приглушенные голоса, звон посуды и

скрип кровати.

Нам навстречу двигалась пожилая женщина в белом халате и платке, она тщательно намывала шваброй полы и неприязненно косилась на тех, кто проходил мимо.

— Илья Валерьянович, ваш кабинет я уже вымыла, — льстиво проговорила она, заглядывая лекарю в глаза.

— Спасибо, Настасья Петровна, — кивнул он, подошел к ближайшему кабинету и открыл дверь. — Заходи.

Я очутился в небольшой комнате, где стоял письменный стол со светильником, два стула, кушетка, обтянутая клеенкой, и небольшой книжный шкаф.

— Присаживайся, — он указал на стул. — Вообще-то я не акушер, поэтому с беременными редко встречаюсь. Кстати, как тебя зовут?

— Степан Устинов.

— Степа, значит. А меня Ильей зови. Это меня только больные и персонал по отчеству называют, а так я ведь не сильно старше тебя.

Мы пожали друг другу руки, после чего лекарь взял какую-то книгу с полки и опустился за стол.

— Что ты, говоришь, видел на животе беременной?

— Будто красная паутина внизу живота, — попытался объяснить я свои видения. — И она растет. Женщина сказала, что упала и ударилась животом.

— Что же она в больницу не пришла? — возмущился Илья.

— Говорит, что приходила, но ей сказали, что ничего нет. Но я-то ясно видел эту паутину. Нехорошая она, но разобратся не могу.

— Красная паутина? Хм...

Лекарь принялся листать книгу, сверяясь с оглавлением. Прошло минут двадцать, прежде чем он закрыл книгу и посмотрел на меня. На его лице читалась тревога.

— У меня есть только одно предположение, и оно очень опасное. Но тогда у нее была бы кровь. А если ее ничего не беспокоит...

— Беспокоит, — быстро ответил я. — Жаловалась на тянущую боль.

— Ну, тогда ее нужно срочно класть в лечебницу. Похоже, у твоей беременной отслойка плаценты.

Лекарь вкратце рассказал мне, что это значит.

— Получается, что нужно эту самую плаценту закрепить, чтобы спасти ребенка? — уточнил я.

— Да как ты крепить собираешься? Пусть в больницу бежит. У нее же роды могут начаться в любой момент! — возмутился он.

— Да, хорошо, — рассеянно проговорил я.

В это самое время я обдумывал услышанное и, кажется, нашел выход из ситуации. Прямо сейчас в моей голове складывались знаки, образуя руну, которая может помочь беременной. Только надо торопиться... Если я уже не опоздал.

— Спасибо, — сказал я, поднялся со стула и выбежал из

кабинета.

— Отправь ее к нам! Слышишь?— прокричал мне вслед Илья. — Это очень опасное состояние!

— Разберусь, — махнул я рукой, подбежал к Пепельной, отвязал ее от жерди и погнал обратно в пригород.

Не знаю, где живет беременная, но можно будет поспрашивать у местных. В первую очередь я использую древний знак материнства. Помещу его в центр руны. Затем добавлю защитные знаки, чтобы удержать жизнь и не дать болезни развиваться. И только в конце нарисую волнистые линии, обозначающие потоки энергии и удерживающие связь, а также останавливающие разрушение. Очень надеюсь, что я не опоздал.

Я гнал Пепельную так, что вслед звучали гневные выкрики, но вперед меня подгонял страх за женщину. Она сказала, что осталось еще три месяца носить ребенка. Это значит, что если он сейчас родится, то не выживет. Я не мог допустить гибели ребенка из-за моих пробелов в знаниях.

Подъезжая к дому, я с облегчением выдохнул. Среди собравшейся толпы, опершись о забор, стояла та самая женщина и грызла яблоко, поглаживая живот.

— Идите за мной, — я спрыгнул с Пепельной, взял женщину за руку и повел к дому.

— Куда ж так быстро-то? Не успеваю я, — пожаловалась она, переваливаясь с ноги на ногу.

— Чем быстрее, тем лучше.

Мы зашли в дом, прошли мимо ничего не понимающего Ерофея в комнату приема.

— Покажите живот, — велел я, едва закрыв дверь.

Женщина послушно развязала веревки и спустила все три цветастые юбки. Паутина захватила еще часть живота и теперь еле заметно пульсировала. Медлить нельзя.

Я опустился на колено перед женщиной и прямо на округлившемся животе принялся рисовать руну. Времени на то, чтобы хорошенько над ней поработать и со всех сторон обдумать, не было. Я понимал, что, когда болезнь достигнет нужного уровня развития, не смогу ничего сделать. Процесс будет не остановить и не повернуть вспять.

Осторожно, сверяясь со своими знаниями, я рисовал ру-ну. В это время в комнату заглянул Ерофей. Он с подозрением наблюдал за моими действиями.

Когда осталась последняя волнистая линия, я увидел, как дрожит моя рука. Руна оказалась очень сильной. Настолько сильной, что вычерпала из меня всю энергию без остатка.

— Еще немного, — прошептал я, аккуратно выводя трясущимся пальцем линию, которая еле светилась из-за недостатка энергии.

Когда руна была готова, я в напряжении уставился на нее, ожидая, что будет дальше. Время тянулось бесконечно медленно. Вдруг она озарилась ослепительно белым светом и исчезла. Вместе с тем пропала красная паутина.

Я с облегчением выдохнул и сел на пол.

— Ты чего, парень? Тебе плохо, да? — встревожилась женщина.

— Все нормально. Отойду. А вы здоровы, — улыбнулся я. Она приложила руку к животу и кивнула.

— И впрямь больше не тянет. Стало быть, помогли твои руны?

— Помогли.

— Вот спасибо! А то я уже думала, что снова придется в больницу идти, а мне там ой как не нравится, — она быстро надела все три юбки, вытащила из декольте скрученные купюры и протянула мне. — На, держи. Муж велел отдать, если сможешь.

Ерофей быстро подошел к женщине и забрал деньги. Я по-прежнему не мог подняться. Хотелось просто лечь и не двигаться.

— Я тебе сейчас компот из вишни принесу. Он сладкий, поможет. А то на тебе лица нет, — сказала беременная и вышла из комнаты.

Ерофей помог мне подняться и вывел на кухню.

— Сядь за стол. Супа налью. Видел, сколько народу у калитки собралось? Ты мне здоровый нужен, — сухо проговорил он.

В это время в дверь сильно постучали, а затем резко распахнули. На пороге появился тот самый городской, которого я видел на площади — с густыми усами.

— А ну-ка, знахарь, покажи мне бумагу, что имеешь пра-

во лечить людей! Или ты самозванец? — громыхнул он басом и вперился в Ерофея грозным взглядом.

Час от часу не легче.

Глава 3

Ерофей сделал два шага назад, испуганно глядя на городского. А тот, громыхая набойками на каблуках, прошелся по дому, заглянул во все комнаты, мельком взглянул на меня и остановился напротив Ерофея, сверля его глазами из-под насупленных бровей и положив руку на черную кобуру с револьвером.

— Ну? Где документы?

— Господин... э-э-э... городской, добро пожаловать, — с трудом совладав с собой, Ерофей растянул губы в льстивой улыбке. — Может? хотите чего-нибудь выпить? Есть молоко, квас...

— Ты мне зубы не заговаривай! В тюрьму захотел?

— За что? — изобразил он искреннее удивление. — Что я такого сделал? Только добро людям приношу. Лечу с утра до вечера, сил не жалею.

— Документы твои где? Слышал, ты людей принимаешь без надлежащих документов и разрешения от городских властей не имеешь. Это серьезное преступление! За это и в тюрьму можно надолго загреметь.

Ерофей весь как-то поник под суровым взглядом представителя власти и съежился, затравленно глядя на него снизу вверх.

— Господин городской, я ведь ничего плохого не делаю,

— слезливо проговорил он, заламывая руки. — Я всего лишь стараюсь помочь людям. Вы сами можете спросить, ведь не просто так они стоят у нашего забора и ждут приема. Уж войдите в положение и пожалейте больных и страждущих.

— Какое мне до этого дело? Государь наш батюшка не для того жалованье нам, городовым, платит, чтобы мы «в положение входили», — скривил он губы. — Закон суров, и все должны его придерживаться. А кто этого не хочет...

— Почему же не хочу? — принялся оправдываться Ерофей. — Я бы хотел получить разрешение, но ведь это дело хлопотное и дорогое.

— И что с того? А если ты угробишь кого? С кого спросят? С нас! С власти! Скажут: как вы допустили, что без документов человек других лечил? Куда же вы, служивые, смотрели?

Я наблюдал за ними и неспешно ел суп. Всем: мне, Ерофею и городовому было понятно, для чего понадобилось это представление, поэтому я нисколько не переживал, что больше мы не сможем заниматься лечением. Ложку за ложкой я ел густой наваристый суп и ждал, когда же городской озвучит сумму.

— Я все понимаю, — Ерофей обреченно вздохнул. — Вы выполняете свой долг, а я — свой. Но ведь мы всегда можем договориться.

Городовой внимательно слушал лекаря, и по его лицу ничего нельзя было понять.

— Ведь оба для блага людей стараемся, — продолжал Ерофей. — Негоже нам ссориться и против друг друга идти. Надо как-то вместе по жизни двигаться и помогать.

— Хорошо. Если найдешь, что положено, то могу на время глаза закрыть, — сухо произнес городской.

— Сейчас, не извольте беспокоиться. Я быстро, — лекарь метнулся в комнату, где мы спали.

Послышался какой-то грохот, звук отодвигаемого комода, затем шуршание купюр и звон монет. Городской с интересом прислушивался, по-прежнему не обращая на меня никакого внимания,

Через минуту Ерофей вернулся и нерешительно протянул руку, в которой были зажаты скрученные деньги.

— Надеюсь, этого хватит, чтобы мы поняли друг друга. Сами понимаете, мы с учеником только приехали в ваш город. Потратились на жилье, на самое необходимое, — извиняющимся тоном сказал Ерофей, заглядывая в глаза городскому, который молча взял деньги, расправил купюры и быстро пересчитал.

— Ладно, оставайтесь пока, — с тяжелым вздохом ответил городской, будто нехотя убрал деньги в нагрудный карман, развернулся на каблуках и направился к выходу.

Уже открыв дверь, он бросил через плечо:

— Займись бумагами, через месяц снова приду.

Когда тяжелые шаги стихли на крыльце и со скрипом захлопнулась калитка, Ерофей перестал притворяться и, не

сдержавшись, сплюнул на пол.

— Вот ведь сволочь! Вымогать у меня вздумал! Скотина! Знаю я таких правильных, законом прикрывающихся. Потом снова заявится и еще больше возьмет. У-у-у, паскуда! — он поднял кулак и потряс им.

— А может, сделать документы? — уточнил я. — Тогда и платить не придется.

— Думай, что говоришь! — прикрикнул он, продолжая кипеть от злости. — Как я эти документы сделаю, если у меня нет образования? Там диплом с медицинской академии нужен. И чтобы не меньше пяти лет в больничке поработал. Здание чтоб подходило по каким-то там требованиям, — перечислял он, загибая пальцы. — А потом все равно платить будешь, только уже не городовому на лапу, а в казну.

В это время на крыльце послышались шаги, и Ерофей замолчал. Мы оба уставились на дверь. Неужели городовому мало показалось, и он вернулся за добавкой?

Дверь медленно открылась, и в дом зашла уже знакомая беременная женщина-чайник.

— Как и обещала, — она показала трехлитровую банку компота с плавающими вишенками, подошла к столу и поставила ее передо мной. — Только банку не разбей и верни обратно.

— Спасибо, — кивнул я.

— Это тебе спасибо. Так хорошо себя чувствую, будто и не беременна вовсе. А ведь в больнице мне сказали, что зря

переживала. Врали, стало быть, — она недовольно поджала губы и покачала головой. — Веры этим ученым дохтурам и фильшерам нет. Ничего не знают, а сидят с важным видом.

— Зря так говорите. Они побольше нашего знают, — ответил я.

Мне почему-то захотелось заступиться за медиков, ведь один из врачей помог мне понять, что именно происходит с женщиной. Без его подсказки я бы не знал, что вложить в руну.

— Ой, не знаю, — махнула она рукой, развернулась и вышла из дома со словами: — Банку не разбей. Сына за ней отправлю.

Я откупорил крышку, налил компот в свою кружку и с удовольствием выпил сладкий прохладный вишневый напиток. В это время Ерофей надел халат, поправил съехавшую простынь на лавке и аккуратным рядом выстроил бутылки с настойками.

— Иди за больными. И смотри — бедняков не приводи. Они только горазды ныть и жаловаться, что денег нет. А как за водкой у трактира стоять — так деньги у них имеются, — по обыкновению проворчал он.

Я допил компот, встал из-за стола и почувствовал, что стало лучше. Ноги уже не подгибаются от усталости, руки не трясутся и сердце не стучит, как бешеное. Немного восстановились жизненные силы, но магической энергии по-прежнему почти нет. Нужно как можно быстрее восполнить за-

пас, ведь сегодня вечером меня ждут в купеческом доме. Я обещал посмотреть сына того купца Щеглова, который подходил ко мне на площади.

За калиткой толпа уменьшилась. Видимо, испугались городского, который бесцеремонно ввалился в наш дом. Вообще, из того, что я уже успел узнать об устройстве этого мира, городской был одним из самых низких чинов здешней полиции. Но даже он, чувствуя власть, мог принести много проблем. Все-таки нужно получить те разрешительные документы, чтобы чувствовать себя спокойно и лечить, не боясь оказаться за решеткой.

— Кто следующий? — я окинул взглядом шепчущихся людей.

— Я! — поднял руку пухлый мужичок и, задорно взглянув на меня, поспешил к дому.

Одет он был так, как обычно одеваются торговцы: серая простая рубашка, плотный суконный жилет, широкие штаны и высокие сапоги. За плечами — мешок.

Не дожидаясь меня, Пухлый забежал в дом и, бегло осмотревшись, безошибочно определил нужную дверь.

Когда я зашел в комнату, он уже снял с плеча мешок и развязывал его.

— Что ты делаешь? — недоуменно уставился Ерофей. — Мы здесь ничем не торгуем. Мы лечим. Говори, где болит? — с нажимом произнес он, глядя на то, как мужчина выкладывает из мешка какие-то непонятные вещи: старый ржавый

нож, куколки из травы, бусы из разноцветных деревянных шариков, тонкие полоски ткани и прочий мусор.

— Выбирайте, — мужичок улыбнулся, обнажив черные провалы отсутствующих зубов.

— Что это такое? Зачем ты все это вывалил на чистую простынь? — возмутился Ерофей.

— Да ты что! Не понял, что ли? — удивился он. — Это ведь знахарские вещи. Моя бабка знахаркой была, так она сказала, что с помощью всего этого, — он развел руками, — можно любую болезнь вылечить. Сам я в этом ничего не понимаю, поэтому хотел выбросить, а как услышал, что знахарь сибирский в городе появился, так сразу и прибег. Думал, пригодится.

— Убирай это дерьмо! — взревел Ерофей. — И сожги к чертям собачьим!

Пухлый надул губы и нехотя сложил все обратно в мешок.

— Может, вас что-то беспокоит? Может, родня болеет? — подал я голос, видя, что Ерофей так сердит, что с нетерпением дергает ногой, поторапливая мужчину, и шумно дышит, раздувая ноздри.

— Болит, у кого же ничего не болит? — печально сказал он, завязал ворот мешка и опустил на стул. — Шпора пяточная вылезла. Показать?

— Покажите, — кивнул я.

Мужичок бросил обиженный взгляд на Ерофея, стянул сапог, размотал портянку и поднял ногу.

— На, глянь. Видишь вот этот нарост? — указал он пальцем. — Больно наступать просто жуть. В толстой портянке более-менее, а босиком вообще ходить не могу. Примочки из уксуса делал, яблочную мякоть под пятку подкладывал — все без толку. Растет с каждым годом. Скоро без клюки ходить не смогу.

Я «переключил» зрение и увидел болезнь в виде черной изогнутой штуковины, больше напоминающей птичий клюв.

— Дайте сюда руку, — велел я.

— Ты ногу лечи. С руками у меня проблем нет.

— Могу и на ноге, — пожал я плечами и нарисовал руну посреди стопы с грубой потрескавшейся кожей.

Для избавления от этой болезни я нарисовал сначала руну «Облегчения боли», а затем руну «Чистоты». Шар энергии незамедлительно перешел ко мне. А «второе» зрение подсказало, что шпора рассосалась, будто ее и не было.

— Встаньте и пройдитесь, — велел я.

— Неужто уже все? — удивился он, поставил ногу на пол, поднялся и сделал два осторожных шага. — Фу-ты ну-ты, и впрямь не болит.

Он радостно подпрыгнул и постучал пяткой, на которую до этого наступать не мог.

— Вот ведь как! А я не верил! — он схватил мою руку и энергично ее затряс. — Благодарствую, лекарь! Вот ведь какой молодой, а такой умелый!

— Вообще-то, я — лекарь, — вставил угрюмый Ерофей.

Однако мужичок не обратил на него никакого внимания. Обувшись, он еще раз показал мне на свой мешок.

— Может, возьмешь? Авось чего и пригодится.

— Нет, не надо.

— А вот за прием и лечение ты должен три рубля! — Ерофей встал у двери и упер руки в бока, прожигая недовольным взглядом Пухлого.

— Откуда же мне три рубля взять? — развел он руками.

— Я ведь только пришел бабкины вещи продать. Лечиться вовсе не собирался.

— Давай деньги, иначе отсюда не выйдешь.

— Это ж как ты мне запретишь? — набычился мужичок.

— Драться, что ли, полезешь?

— Зачем драться? — изобразил удивление Ерофей. —

Видел, городской от нас выходил? Так вот, мы теперь вместе работаем. Кто денег платить не хочет, тот прямиком в тюрьму пойдет, — лекарь так убедительно соврал, что даже я бы поверил, если бы не присутствовал при их разговоре.

— Вот ведь как, — пригорюнился Пухляш и полез во внутренний карман жилетки.

Пошебуршал там и выудил ровно три рубля. Однако деньги протянул не Ерофею, а мне со словами:

— Спасибо, лекарь.

Я забрал деньги, а Ерофей нехотя посторонился, пропуская мужичка.

— Ну и полудурок, — сказал Ерофей, когда дверь за Пух-

ляшом закрылась. — Иди за следующим и сразу про деньги говори. У кого денег нет, пусть к местным коновалам идут. Я не для того из глуши выбирался, чтобы снова из бедняков копейки трясти. Два дня ты в центре пропадаешь, а толку нет, — он с подозрением прищурился, глядя на меня. — Завтра с тобой пойду. Погляжу, как ты народ зазываешь.

— Как угодно, — равнодушно пожал я плечами и пошел за больным.

Друг за другом мы приняли более десяти человек. Тех, что были с легкими заболеваниями, где помогут настойки Ерофея, я позволял ему лечить. Остальных же взял на себя. В большинстве случаев болезни были несерьезные, поэтому слабые руны вполне справлялись. Поэтому к вечеру я накопил достаточно энергии, чтобы наведаться к купеческому сынку.

Когда выпроводили последнего больного и остальных отправили по домам, я вывел Пепельную на дорогу и поехал искать Амурскую улицу. Именно там, в доме номер восемь, жил купец Вениамин Щеглов.

Я прекрасно понимал, что помощь его сыну была той самой возможностью, которая нужна нам с Ерофеем, чтобы заявить о себе в более серьезных кругах местного населения. Пока к нам за лечением обращались лишь крестьяне, ремесленники и торговцы, живущие в пригороде на ближайших улицах.

Я ехал медленно, сверяясь с направлением у прохожих. К

вечеру поднялся ветер, раздувая пыль с мостовой и шелестя кронами деревьев, что росли вдоль дороги. Я пожалел, что не надел чего-нибудь потеплее. Сейчас на мне была только тонкая льняная рубашка.

Когда наконец добрался до Амурской улицы, то снова пожалел, что не успел пройтись по магазинам и приодеться, как полагается. Здесь явно жили богатеи.

Широкую улицу с просторным тротуаром освещали высокие фонари, украшенные коваными узорами. С обеих сторон стояли внушительные каменные дома в два и даже в три этажа, огороженные кирпичными стенами и коваными воротами.

Фасады домов окрашены в светлые тона, на окнах — резные наличники, а крыши покрыты темной черепицей. Имелись также балконы с цветниками и различными декоративными элементами. Складывалось впечатление, что соседи в погоне перещеголять друг друга выдумывали, как бы поразить и казаться богаче и успешнее. Кое-где в ухоженных садах стояли статуи атлетического вида мужчин и стройных женщин. Также я заметил шумящий фонтан, карусель из деревянных лошадок и небольшие беседки, оформленные в разных стилях.

Таблички с номерами были не на каждом доме, поэтому пришлось остановить прохожего и уточнить, где находится дом номер восемь. Хорошо одетый мужчина с цилиндром на голове и с тростью в руках окинул меня недоверчивым

взглядом и указал тростью на двухэтажный дом, покрашенный светло-голубой краской.

Я подъехал к воротам, спрыгнул с Пепельной и взялся за калитку, но она была заперта. Из дома слышались голоса, и в светлых прямоугольниках окон мелькали темные силуэты людей, однако во дворе было пустынно.

— Эй, есть здесь кто-нибудь?! — прокричал я и подергал калитку, чтобы лязг замка привлек хозяев.

Никто не ответил и из дома не появился.

— Откройте!

Я подобрал с земли небольшой камешек и хотел запустить его в добротную деревянную дверь с вырезанным узором, как сзади услышал грубый бас:

— Только попробуй, руки переломаяю.

Резко обернувшись, увидел того самого здоровяка, который сопровождал купца. В руках он держал деревянный ящик, от которого несло свежей рыбой и тиной.

— Здорово! — поздоровался я, стараясь казаться дружелюбным.

Тот не ответил и продолжил неприязненно смотреть на меня.

— Не узнал? Вы с Вениамином подходили ко мне на площади. Я — духогляд, ученик сибирского знахаря. Щеглов просил посмотреть его сына, — пояснил я.

Только сейчас его напряженное лицо просияло, и искра узнавания мелькнула в глазах.

— А, это же ты, — выдохнул он. — Чего у калитки стоишь?

— Заперто.

— Конечно, заперто. Иначе всякая шушера так и норовит забраться во двор и унести, что плохо лежит. Надо было позвонить.

Он подошел ко мне, схватился за шнур, который я до этого принял просто за обрывок веревки, и несколько раз резко дернул.

Шнур привел в действие колокольчик, висящий у входной двери, и на всю округу разнесся радостный переливчатый звонок.

Дверь открылась, и показался сухонький старичок в поношенной ливрее. Он спустился с крыльца и заковылял к воротам, перебирая кривыми ногами.

— Кого это ты привел? — настороженно взглянув на меня, спросил старик.

— Вениамин Федорович лекаря к Ванюше пригласил.

— Чего? Это лекарь? — с сомнением протянул старик.

Я понимал недоверие, ведь жил в теле семнадцатилетнего паренька, который явно не походил на лекаря. Скорее на лакея или крестьянского сына.

— Ты не рассуждай, а ворота открывай! — прикрикнул на него мужчина.

Тот нехотя отпер засов и со скрипом распахнул ворота. Когда я завел Пепельную во двор, старик взял лошадь под

уздцы и повел за дом, а мы с мужчиной поднялись на крыльцо.

— Меня Серафим зовут. А тебя? — он протянул мне большую руку.

— Степан.

— Слушай, Степан, — Серафим огляделся и понизил голос. — Ты если ничего сделать не сможешь, то сразу скажи. Намучились они с Ванькой. И его, бедолагу, намучили. Куда уж только ни возили и как только ни лечили, а толку нет. Не надо давать надежду и снова через разное их проводить. Пожалей уж Дарью Ивановну с мальцом.

— Понял. Но мог бы и не говорить, сам понимаю, — кивнул я.

— Ну тогда ладно, пошли.

Он открыл дверь и зашел первым. Я — сразу за ним. Мы оказались в просторной прихожей. Справа стояли вешалки для одежды, полки для обуви и низкие мягкие табуретки. Слева на стене висело большое зеркало в полный рост.

— Жди здесь, — предупредил меня Серафим и двинулся вглубь дома по коридору, утопающему в полутьме, я же осмотрелся.

В двух метрах от меня за распахнутыми двустворчатыми дверями виднелась большая комната. На окнах — тяжелые темные шторы, на полу — мягкий ковер, а в углу — большая печь, украшенная белыми изразцами с голубыми рисунками. Также увидел край мягкого дивана и овальный стол, накры-

тый белоснежной скатертью.

В воздухе витали запахи из кухни: мясного бульона, жареного лука и выпечки, а также сладкий аромат женских духов. Вдруг в коридоре вспыхнул свет, и я, прищурившись, увидел, как Серафим возвращается ко мне в сопровождении молодой стройной женщины лет тридцати.

— Про него говорил Вениамин Федорович, — пояснил он женщине. — Степаном зовут.

— Я поняла, — еле слышно ответила она, приблизившись, чуть улыбнулась уголками губ и посмотрела на меня мягким, добрым взглядом.

— Здравствуй, Степан. Меня зовут Дарья Ивановна. Говорят, ты к нам прибыл из глубинки?

— Здравствуйте, — я почему-то смутился под ее взглядом. А еще отметил про себя, что впервые вижу такие невероятно голубые глаза. — Так и есть. Долго добирались. Больше недели.

— Мой супруг рассказывал, что видел, как ты с одного взгляда определяешь болезнь. Это правда?

— Да, я из рода духоглядов и вижу болезни в виде сущностей.

— В виде сущностей? — встревожилась она. — А тебе не страшно?

— Нет, — дернул я плечом, — привык уже.

— Как же давно ты их видишь?

Я окунулся в память Степана и ответил:

— С самого раннего детства.

— Неужели никогда не боялся своих видений? — допытывалась она.

— Нет. Я ведь знал, что это такое. Родители, пока были живы, все мне объясняли. Поэтому я понимал, что сущности нереальны, просто мой дар болезни таким образом показывал.

— Получается, что ты — сирота? — упавшим голосом спросила она, и в ее глазах промелькнула жалость.

Ну уж нет! Жалеть меня точно не надо.

— Сирота, но меня приютил знахарь-шептун. Я с ним приехал в ваш город.

— Ясно, — Дарья Ивановна тяжело вздохнула и, бегло оглядев меня, спросила: — Ты голоден? Кухарка как раз ужин приготовила. Серафим тебя на кухню проводит.

— Сначала я бы хотел посмотреть вашего мальчика. А потом можно и поужинать.

При упоминании о ребенке уголки губ женщины опустились, и во взгляде появилась тоска. Однако она тут же взяла себя в руки и кивнула:

— Ты прав. Сначала дело. Иди за мной.

Я пошел вслед за женщиной, а Серафим замыкал наше шествие.

Мы подошли к лестнице в конце коридора и поднялись на второй этаж. На полу были расстелены разноцветные половицы, заглушающие шаги, а вдоль стены стояли горшки с

цветами. Здесь было всего четыре двери, за которыми наверняка находились спальни.

Мы подошли ко второй двери справа и остановились.

— Только при Ванюше ничего не говори. Не хочу, чтобы он что-то знал, ведь растет и уже все понимает. Когда выйдем, тогда мне все расскажешь, — предупредила Дарья Ивановна.

— Хорошо, — кивнул я.

Женщина открыла дверь, и я увидел детскую комнату. На стенах — деревянные панели с резьбой в виде сказочных персонажей. На полу — круглый толстый ковер. Вдоль одной стены стояли кровать с высоким изголовьем и сундук с игрушками. С другой стороны — громоздкий комод, а на стенах — детские рисунки.

За столом у окна сидел светловолосый мальчик и, склонившись над листом бумаги, рисовал разноцветными мелками.

— Ванюша, к тебе пришли, — подала голос женщина и пошла вперед.

Мальчик вскинул голову и обернулся, уставившись на меня. Я же обомлел и просто застыл на месте. Такого я еще не видел.

Глава 4

Как только жена купца Щеглова открыла дверь детской комнаты, я переключил зрение, поэтому, когда мальчик посмотрел на меня, я сразу увидел болезнь. Существо ярко-зеленого цвета заполняло всю голову ребенка и тянуло щупальцы к его шее. Склизкая, неприятная субстанция нервно двигалась, будто в этот самый момент питалась чем-то. Зрелище не для впечатлительных. Мне тоже больше не хотелось этого видеть, поэтому я вернул обычное зрение.

Женщина подошла к ребенку, погладила его по волосам и, опустившись перед ним на колени, принялась объяснять.

— Ванюша, этот дядя хочет тебе помочь. Он лекарь. Понял? — она пристально всматривалась в его лицо, пока мальчик безучастно смотрел перед собой, поверх ее головы.

Прошло пару минут, но мальчик так не ответил. Его пустой, ничего не понимающий взгляд блуждал по стене с рисунками.

— Ванюша, лекарь тебя посмотрит, ладно? — мать вновь попыталась достучаться до разума своего ребенка.

На этот раз мальчик еле заметно кивнул, и я услышал вздох облегчения. Это был Серафим, который стоял за мной и за все это время не проронил ни звука.

Дарья Ивановна махнула мне рукой, и я приблизился. Сущность я увидел сразу, но не знал, насколько глубоко она

проникла в тело ребенка, поэтому попросил:

— Расстегните верхние пуговицы.

Пока женщина возилась с маленькими пуговками, я встретился взглядом с мальчиком. Глаза в точности как у матери — голубые, словно небо. Сначала я подумал, что он ничего не понимает, но вдруг он чуть наклонился ко мне и прошептал:

— Пакнет и-го-го.

— Что? — переспросил я.

— Пак-нет и-го-го, — старательно повторил он и вперился в меня глазами, будто молил «пойми меня».

— Он говорит, что от тебя пахнет лошадьё, — печально улыбнулась женщина. — Ванюша с трудом говорит. Никак не получается. Уж столько учителей сменили, но все лишь разводят руками.

Дарья Ивановна справилась с пуговицами и оголила грудь ребенка. Я склонился над ним и с облегчением выдохнул. Болезнь остановилась на горле и дальше не продвинулась.

— Я увидел все, что мне нужно, — сказал женщине и, улыбнувшись ребенку, двинулся к дверям.

Мы с Серафимом подождали Дарью Ивановну в коридоре, и втроем двинулись к выходу.

— Ну что? Увидел что-нибудь?

— Да. Болезнь есть. Она заполнила всю голову вашего сына и добралась до горла, но дальше не пошла.

— Всю голову? — испуганно выдохнула женщина и при-

жала руки к груди

— К сожалению, да.

Мне самому не хотелось говорить такое матери ребенка, но я не мог промолчать. Она имеет право знать.

Женщина закрыла лицо руками, несколько раз глубоко вздохнула и, справившись с нахлынувшими чувствами, осторожно спросила:

— Есть лекарство от этой болезни?

— Насчет лекарств не знаю, но могу попробовать справиться с болезнью с помощью целебных рун.

— Целебные руны? В первый раз об этом слышу. Но я готова на все, лишь бы ему стало лучше. Что для этого нужно? — в ее голосе слышалась решимость.

— Ничего. Это моя задача — подобрать подходящие знаки и создать руну, которая поможет вашему мальчику.

— Так, может, ты прямо сейчас попробуешь? — с надеждой спросила она.

Я задумался. От руны «Исцеления» хуже не станет. Зато будет больше ясности, что это за болезнь. Мы снова вернулись в комнату.

Осторожно взял тоненькую ручку мальчика и нарисовал на ладошке руну. Она вспыхнула и пропала, но, как я и думал, шар энергии не вернулся ко мне. «Второе» зрение показало, что сущность лишь больше задержалась, будто ее проткнули острой иглой.

Мальчик тоже занервничал, заплакал и отдернул руку.

— Что это значит? — встревожилась женщина и прижала к груди ревущего сына.

— Ничего не вышло. Болезнь так легко не победить. Мне нужно время. Завтра вернусь.

Дарья Ивановна успокоила ребенка, и мы спустились на первый этаж и подошли к входной двери, где у стены замер старик, прислушиваясь к нашему разговору.

— А как же твой наставник? Он сможет помочь? — спросила Дарья Ивановна.

— Нет, не сможет. Ждите меня. Я сделаю все, что от меня зависит. Но, возможно, потребуется время.

Женщина печально кивнула и открыла дверь.

— Я очень надеюсь на тебя. Мы сделали все, что только возможно, но толку нет.

Я уже хотел выйти, но тут в голову пришел один вопрос:

— Ваш сын родился таким или...

— Нет-нет, до двух лет он развивался как надо. Наш семейный доктор постоянно хвалил его. Ванюша рано начал ползать и раньше обычного встал на ноги. Даже разговаривать начинал и несколько слов знал, а потом... потом все, — она обняла себя, чтобы успокоиться.

— Что же произошло? С чего началась его болезнь?

— Никто не знает, — пожалала она плечами. — Мы в тот год ездили на юг к родственникам. Все летом там провели, в море купались, фрукты ели, загорали. А как вернулись домой, так и начали замечать, что Ванюша стал меняться. Сна-

чала застывал на месте и подолгу смотрел в одну точку. А через год мы забили тревогу, ведь он перестал даже разговаривать. Даже сейчас он очень редко говорит. Ты ему понравился, раз Ванюша сказал тебе про лошадь, — женщина печально улыбнулась.

— Сколько лет Ванюше?

— Семь исполнилось в феврале.

— Ясно, — задумчиво кивнул я и вышел из дома.

Старик торопливо двинулся за дом, чтобы привести лошадь, а Серафим еле слышно спросил:

— Как думаешь, сможешь помочь?

— Пока не знаю. Никогда с таким не сталкивался. Но я попробую.

— Ты уж постарайся. Жалко его, как родной мне, — попросил он и открыл ворота.

Я выехал на Пепельной, но поехал не к дому, а в сторону больницы. Была надежда, что встречу того лекаря Илью, с которым познакомился вчера. Я снова оказался перед тупиком из-за недостатка знаний. Возможно, удастся выпросить какую-нибудь книгу по болезням, или сам лекарь на что-нибудь надоумит.

***

Больница пустовала. Только в редких окнах горел свет. Я зашел в здание и тут же был атакован женщиной со шваброй.

— Куда по намытому?! А ну вышел отсюда! Не принима-

ют уже!

— Я только спросить, — попытался обойти воинственную уборщицу, но та преградила мне путь своей шваброй.

— Пшел вон, говорю тебе! Я только всю грязь смела и чистой водой полы вымыла, а ты снова своими сапожищами следы оставишь. Завтра придешь. Не помрешь небось.

В это время дверь одного из кабинетов открылась, и показался тот самый лекарь Илья.

— Что за шум? Настасья Петровна, вам помощь нужна? — обеспокоенно спросил он.

— Не нужна, миленький. Не нужна. Я уж сама с этим прохвостом справлюсь, — пролепетала она при виде молодого лекаря.

— Илья, я к тебе! — крикнул я и махнул рукой.

Лекарь подслеповато прищурился, вглядываясь мне в лицо, и кивнул.

— А-а-а, помню-помню. Духогляд, — улыбнулся он и обратился к уборщице: — Пропустите его, Настасья Петровна.

— Но ведь... — она как-то поникла, глядя на мои сапоги.

— Не переживайте. Следов не оставлю, — я стянул сапоги, жажал их подмышкой и пошел босиком по прохладному влажному полу.

Илья плотно закрыл за мной дверь кабинета.

— Боевая у вас бабка, мимо такой не пройдешь, — хохотнул я.

— Это точно, — кивнул лекарь, опустился за свой стол и

потер уставшие глаза. — Ты чудом меня застал. Я уже собирался уходить, но задержался, заполняя истории болезней. Зачем пришел?

— Посоветоваться хочу, — я надел сапоги и опустился на стул напротив лекаря.

— Снова твоя беременная? Так и не отправил к нам?

— Нет, она выздоровела. Больше красной паутины нет, — махнул я рукой. — Я уже по другому поводу.

— Погоди-погоди, как это «выздоровела»? Что ты сделал?

— Подобрал правильные знаки для руны. Не без твоей помощи, поэтому за это благодарствую, — я приложил руку к груди и чуть склонил голову.

— Ты хочешь сказать, что предотвратил отслойку плаценты? — не унимался он. — Сам?

— С помощью руны, — поправил я его.

— Ничего не понимаю, — лекарь облокотился на стол и внимательно уставился на меня. — Получается, что ты не только духогляд, но и рунный лекарь? Или это как-то по-другому называется?

— Я называю себя руномагом. Но не в этом дело. Я пришел поговорить еще об одном случае...

Но и в этот раз Илья не дал мне договорить.

— А ты можешь сказать, что у меня болит?

— Могу, — я «переключил» зрение и увидел красное пятно над бровью, от которого тонкие ниточки шли к левому глазу. — Глаз у вас болит. Пустяковое воспаление, легко мо-

гу вылечить.

У Ильи удивленно поползли вверх брови.

— Так просто: взять и вылечить?

— Да, ничего сложного. Протяни руку.

Заинтересованный лекарь закатал рукав и положил на стол передо мной свою руку. Руна «Исцеления» сработала на отлично, и шар энергии вернулся ко мне.

— Опа! — Илья поморгал и чуть встряхнул головой. — Боль прошла. Со вчерашнего дня мучился. Удивительное дело.

Он смотрел на меня так, как смотрит ребенок на новую игрушку: смесь удивления, радости и предвкушения.

— Получается, что ты можешь любую болезнь взять и вот этими своими... э-э-э.. рунами вылечить?

— Не любую, — твердо произнес я. — Вот сейчас я снова столкнулся с болезнью, с которой не могу разобраться.

— Ну-ка, что за болезнь? — заинтересовался он.

— В голове ребенка я увидел кое-что необычное. Не знаю, что это такое.

— Про какого ребенка идет речь? — насторожился лекарь.

— Сын купца Щеглова. Ваней зовут.

— Угу, Иван Щеглов, — он поднялся с места и пошел к выходу. — Подожди здесь. Схожу за его историей. Может, так мне станет понятнее.

— За какой историей? — не понял я.

— Журнал такой, куда все болезни записываются. У каждого своя история болезней. Неужели у тебя нет такого журнала?

Я лишь пожал плечами. Никогда о таком не слышал. Да и откуда мог взяться такой журнал, если Степана Ерофей лечил своими настойками и к фельдшеру ни разу не водил?

Илья вскоре вернулся с тем самым журналом в руках, на первой странице которого аккуратным почерком были написаны данные ребенка.

— Вот, нашел, — он сел за стол и принялся перелистывать страницу за страницей, читая записи.

Я не понимал, что ищет лекарь, но решил его не отвлекать.

— Все ясно. Ему поставили умственную неполноценность. Идиотизм по-другому, — сказал Иван минут через десять.

— Но ведь мать говорит, что до двух лет он хорошо развивался. Разве может вдруг появиться такая неполноценность?

— Может, конечно. Ребенок мог удариться головой и получить ушиб мозга или даже кровоизлияние.

— Нет, не то, — мотнул я головой. — Ушибы и кровоподтеки выглядят по-другому, и руна «Исцеления» справилась бы с такой болезнью. Что еще могло случиться?

— Может быть, наследственность, — подумав, ответил Илья. — Есть у них умственно неполноценные в семье?

— Об этом мне неизвестно. Но и это не подходит. Я увидел болезнь.

Лекарь снова задумался, а я забрал журнал мальчика и перелистал. Судя по записям, его осматривали по меньшей мере пять лекарей. Однако все пришли к одному и тому же заключению — идиотизм. Даже если это так, мальчика можно восстановить, убрав зеленую сущность из его головы. Я в этом почти уверен. Осталось разобраться, как это сделать.

— Вообще у меня есть одно предположение, но оно никем не доказывалось, и официальная медицина не придерживается этого подхода, — с сомнением произнес лекарь.

— Говори.

— Во время учебы я практиковался в психиатрической больнице, — Илья сцепил пальцы в замок на животе и откинулся на спинку стула. — У меня был очень грамотный руководитель, который многому меня научил. Он рассказывал, что ум может повредиться не только после травм, из-за наследственности или плохих условий жизни, но и после потрясений, а также обычных болезней. У меня есть предположение, что мальчик перенес болезнь, которая не ушла полностью, а засела в его голове и там развилась. На вид он здоров, но никто не видит, что происходит в его голове.

Я задумался, перебирая в голове бесконечное количество различных знаков. Я не знал, прав лекарь или нет, но ухватился за это предположение. Даже в моем мире были болезни, которые приводили к потере рассудка. Вполне возможно, что это точно такой же случай. Во всяком случае я должен с чего-то начать. Если это предположение окажется неверным,

значит, буду копать в другом месте.

— Спасибо за помощь, — поблагодарил я и направился к двери.

— Погоди, что ты собрался делать?

— Лечить, — пожал плечами и вышел из кабинета.

Каждый знак, который я рисую при создании руны, имеет огромную силу, поэтому ошибиться нельзя. Это может привести к плачевным последствиям. Лучше всего создавать руны на свежую голову, и чтобы ничто не отвлекало от этого процесса. Именно поэтому я решил завтра на рассвете вновь посетить берег Ангары. Там мне никто не мешает.

Вернувшись домой, загнал Пепельную в сарай, накормил и напоил обеих лошадей и зашел в дом. Угрюмый Ерофей сидел за столом и наблюдал за пламенем свечи.

— Где тебя опять лешие носили?

На мгновение я засомневался, говорить Ерофею о Щегловых и Илье или нет, но тут же понял, что ему об этом знать не обязательно. Толку от него все равно нет, а под ногами будет мешаться.

— По городу ездил. Побывал на улице Амурской. Там много дорогих домов.

— И что? Приманил кого-нибудь к нам? — оживился он.

— Пока нет, но я стараюсь.

Пыл Ерофея тут же угас.

— Старается он. За целый день всего десять рублей заработали. Куда это годится?

— Отдайте мою долю, — велел я.

— Еще чего! Ты и так от того придурка с шпорой в пятке три рубля получил. С тебя хватит, — возмутился лекарь.

— Мы договаривались, что деньги делим поровну, — не отступал я. — Или вам напомнить?

Я вложил в голос силу, чтобы угроза прозвучала правдоподобной.

Ерофей недовольно поморщился, вытащил из кармана целую горсть мелочи, подсчитал и подвинул в мою сторону.

— На, не подавись.

Задув свечу, он поднялся и пошел в комнату. Вскоре слышались скрип кровати и неясное бормотание. Я в полутьме собрал монеты, пересыпал в карман куртки и, умывшись, тоже лег. Из головы не выходил образ болезни мальчика. Какая-то дрянь живет в голове ребенка, и никто, кроме меня, ее не видит. Надеюсь, я смогу подобрать подходящие знаки и вылечить Ваню.

Проснулся я едва небо посветлело. Ерофей храпел на весь дом, а за окном щебетали ранние пташки. Стараясь не разбудить лекаря, наскоро оделся и вышел на улицу. Вокруг висел тяжелый, пропитанный влагой туман, из-за которого вмиг стало зябко. Пришлось вернуться в дом и надеть старую фуфайку.

Гнедая проснулась, как только я открыл дверь в сарай, и вмиг приблизилась ко мне, тыча носом в плечо.

— Пойдем-пойдем. Устала взаперти сидеть. Понимаю, те-

бе хочется на волю, на простор, — погладил ее по шее, надел сбрую и вывел на улицу.

На улице было пустынно. Даже дым из труб не поднимался. Мы спустились к реке, где я быстро нашел то место, которое заприметил в прошлый раз — закуток посреди леса. Отсюда открывался вид на реку.

Я вытащил из кармана кусок белой бумаги, карандаш и, опустившись на бревно, уставился на темную воду широкой реки.

Если предположение Ильи верно и в голове ребенка сидит коварная болезнь, то я должен создать руну, которая уничтожит именно ее и не навредит самому ребенку.

Время шло, над лесом взметнулись лучи солнца, вокруг стоял птичий гомон, слышались разговоры, запахло дымом. Иркутск просыпался, а я никак не мог подобрать подходящие знаки.

В конце концов я решил сделать упор на то, в чем точно уверен. Сначала нарисовал круг — символ целостности и защиты. Сверху наложил на него линию, которая привяжет круг к мозгу, к его извилинам. Внутри круга нарисовал небольшой треугольник, указывающий вверх, и вложил в него силу исцеления и очищения. На этом все. Привносить еще знаки в эту руну я просто побоялся. На кону жизнь ребенка.

Окинув критическим взглядом получившуюся руну и представив себе, как она будет действовать, я остался дово-

лен. Эта руна усилит природные защитные силы организма и восстановит нарушенный баланс, а также пробудит жизненную энергию — все это должно помочь справиться с неизвестной заразой.

Засунув в карман лист бумаги, взобрался на Гнедую, которая паслась неподалеку, и поехал к дому. К этому времени Ерофей уже растопил печь и взбалтывал яйца с молоком.

Он недовольно взглянул на меня, но ни слова не сказал. Когда пышный омлет запекся в печи, мы позавтракали, и я снова засобирился к Щегловым.

— Куда собрался? — спросил Ерофей.

— Так сами же сказали в центре народ зазывать, вот и...

— С тобой пойду, — прервал он меня и принялся одеваться.

Руночерть его задери, с раздражением выдохнул я. Делать нечего, придется отложить поездку к Щегловым.

Ехать верхом на лошади лекарь отказался и поймал на широкой дороге извозчика. Мы прибыли на площадь. Время было еще раннее, поэтому площадь пустовала. Только сонные извозчики проверяли свои экипажи и торговцы расставляли товар.

— И на кой черт мы так рано сюда приехали? Ведь нет никого, — Ерофей с недовольным видом окинул взглядом дома, стоящие вокруг площади. — А тут что?

— Вон там городская управа, — указал я на одноэтажное здание. — Там храм. Здесь гостиница. Это губернаторский

дом...

— Губернаторский дом, говоришь, — задумчиво протянул он. — Как думаешь, может, сразу губернатору представимся?

— Не стоит, — предупредил я.

— Почему это? — возмутился Ерофей, исподлобья взглянув на меня. — Чем я хуже?

— Если уж городской у нас документы спрашивал, то губернатор тем более их потребует.

Ерофей тут же поник.

— Черт бы побрал эти документы. На кой они нужны? Какой в них толк? Выдумали какие-то документы, а нам теперь мучиться, — он с недовольным видом огляделся и пошел к извозчикам. — Ладно, поехали домой. В это время здесь делать нечего.

— Вы езжайте, а я по городу прокачусь.

Ерофей ничего не ответил, лишь махнул рукой.

Взобравшись на Пепельную, я поскакал на Амурскую улицу. За шнур дергать не пришлось, во дворе был сам хозяин дома, купец Вениамин Щеглов.

— А-а, лекарский ученик, — узнал он меня и поспешил навстречу. — Мне сказали, что ты вчера приходил.

Он отпер ворота и открыл одну створку.

— Что-то надумал за ночь?

— Да. Есть одна идея, хочу попробовать.

Мои слова Щеглову не понравились.

— Как это «попробовать»?

— Новую руну создал. Очень надеюсь, что поможет.

— А хуже не будет? — насторожился мужчина.

— Нет, хуже не будет, но не уверен, что она полностью избавит вашего сына от болезни.

— Ну смотри, если Ваньке хуже станет...

Он не стал договаривать, но его тяжелый взгляд и поджатые губы подсказали, что ничего хорошего ждать не придется.

Мы зашли в дом. Дарья Ивановна с Ванюшей сидели в гостиной за столом и завтракали. Мальчик снова безучастно смотрел перед собой, вяло ковыряясь ложкой в тарелке.

Женщина обрадовалась, увидев меня, и тут же подвела сына.

— Вот, Ванюша, снова дядя пришел. Помнишь его?

Мальчик поднял на меня голубые глаза и еле слышно сказал:

— Пакнет и-го-го.

— Да, правильно, — я опустился перед ним на колени. — Я приехал верхом на лошади, которую зовут Пепельная. Ты хотел бы на нее посмотреть?

Мальчик пожал плечами.

— Ну ладно. Потом я тебе ее покажу. А пока постой смирно.

Я вытащил из кармана бумажку, еще раз взглянул на руну и, затаив дыхание, приложил палец ко лбу ребенка.

— Надеюсь, все получится, — выдохнул я и принялся чер-
тить.

Глава 5

Линии руны загорались ярким белым светом, наполняясь силой и моей энергией. Все символы получились настолько сильными, что я чувствовал, как от каждого движения пальцем лишаясь магической энергии. Но мне совсем не было жаль тратить ее на ребенка, лишь бы ему стало лучше.

Когда осталось провести последний штрих, я прерывисто вдохнул, физически ощущая возникшую внутри пустоту.

— Что такое? — встревожилась Дарья Ивановна, внимательно следя за мной и ребенком.

Я не ответил, лишь мотнул головой и поднял вверх палец, соединяя треугольник. Руна вспыхнула так ярко, что я невольно отпрянул и зажмурился. Остальные же не увидели ничего, кроме моей реакции.

— Парень, тебе плохо? — настороженно уточнил Вениамин.

— Нет, — хрипло выдавил я и посмотрел на Ванюшу.

Мальчик стоял как вкопанный и с широко раскрытыми глазами невидящим взглядом смотрел куда-то вбок.

Я переключил зрение и увидел, как мерзкая зеленая болезнь-сущность скукоживается, судорожно дергаясь. Сначала она убрала отростки от шеи мальчика, затем сама начала уменьшаться в размерах.

Нас с мальчиком о чем-то спрашивали, что-то говорили,

но мы оба не отвечали. Ваня явно чувствовал то, что творится в его голове, я же с нетерпением ждал, чем все закончится.

Вскоре зеленая сущность уменьшилась настолько, что стала напоминать скомканный лист бумаги.

— Ну давай же! — выкрикнул я, не спуская с нее взгляда.

Все замерли, не понимая, что происходит.

Вдруг сущность дернулась и пропала. Я с облегчением выдохнул, а Ваня повернулся к матери и заплакал. Женщина прижала его к груди и принялась зацеловывать, а ко мне поплыл шар энергии, который тут же вернул мне силы.

— Степан, что случилось? Я ничего не понимаю, — слезливо спросила Дарья Ивановна, с тревогой глядя на меня.

— Все прошло хорошо. Болезни больше нет, — я улыбнулся и поднялся на ноги.

Вениамин Щеглов не знал, как реагировать. Никто, кроме меня, не видел болезнь, поэтому поверить в то, что она вдруг взяла и пропала, было сложно.

Между тем Ваня успокоился, вытер слезы и, отстранившись от матери, сказал мне:

— Дядя, ты обещал показать мне лошадь.

— Ваня! — выкрикнул купец, схватил ребенка на руки и, смеясь и плача одновременно, прижал к себе. — Ты говоришь, сынок! Ты говоришь!

На крики грузно прибежал Серафим, за ним старик-лакей и кухарка.

— Степан, ты помог. Ты помог Ванюше. Спасибо! Я так

тебе благодарна, — Дарья Ивановна со слезами на глазах обнял меня.

Купец тоже не остался в стороне. Он смеялся, вытирая текущие из глаз слезы, и, позволив матери взять ребенка на руки, обнял меня как родного. Затем, будто не веря своим ушам, просил сына говорить и говорить. Мальчик с готовностью отвечал на вопросы, называл свое имя и имена всех присутствующих. В общем, столько радости и счастья я давно не видел.

Меня тут же усадили на почетное место за столом и принялись угощать. Ваня же уселся рядом и без конца о чем-то рассказывал, радуя родителей. Теперь, когда его не сковывала болезнь, он говорил обо всем, о чем раньше не мог сказать ни слова. Все его слушали с умилением, и то и дело кто-то подходил, чтобы погладить его по голове, обнять или поцеловать.

Я был очень доволен с собой. Получается, что свои знания в области руномагии я могу использовать не только для защиты и нападения, а также для лечения таких сложных болезней.

После сытного обеда, во время которого меня угощали густым наваристым борщом, запеченной индейкой, соленой икрой, сыром и сладким ягодным напитком, купец Щеглов пригласил меня в свой кабинет, вход в который был прямо в гостиной.

— Ну ты парень дал, — с улыбкой сказал он, усаживаясь

в кресло. — Я ведь Ваньку даже в столицу возил. Да только без толку, а ты взял и вылечил. Как так?

Я пожал плечами.

— Не ожидал, если честно. Ты хоть скажи, что ты сделал-то? Ведь я так и не понял. Пальцем по лбу поводил и — хоп! — здоров.

— Я нарисовал руну, которую придумал специально для Вани.

— Что это за руна такая? — заинтересованно прищурился Вениамин.

— Магическая печать, состоящая из различных символов, каждая из которых имеет свое значение, — пояснил я.

— Чудны дела, — покачал он головой. — Ни разу о таком не слыхивал, а ведь я почти всю Россию объездил. Ну да ладно, не важно как, главное, что вылечил. Всю жизнь тебе за это буду благодарен. Теперь же проси у меня, что хочешь.

Я задумался. О чем попросить человека, который, судя по всему, довольно богат, а значит, и связи имеет? Хм... Денег я и без него заработаю, а вот насчет разрешительных документов...

— Как оказалось, чтобы лечить, документы нужны. У меня таких документов нет. Не могли бы вы как-то помочь, чтобы я получил их?

Я намеренно ничего не сказал о Ерофее. Он к этому делу не имеет никакого отношения, поэтому и не заслуживает награды.

— Документы? — задумчиво проговорил купец. Он явно ожидал, что я буду просить денег или еще какие-нибудь финансовые блага. — Я попробую сделать все, что от меня зависит, но не обещаю.

Он помрачнел. Видимо, нелегко признаваться в том, что даже при наличии капитала не все тебе подвластно.

— Та-а-к, это дело небыстрое. Нужно умаслить кое-кого, если получится, — он задумчиво стучал пальцем по столу. — Приходи-ка ты, Степан, к нам через неделю. К тому времени я со всеми переговорю, кого надо трапезничать приглашу, кому-то осетра подарю, а кому-то и денег подкину. Возможно, удастся, но, как и сказал, обещать не могу. Я ведь рыбой занимаюсь и среди лекарей ни с кем дружбу не вожу. Да и с губернатором в прошлом году схватился из-за дележки рынка.

— Ясно. Договорились, приду через неделю, — я поднялся и хотел уйти, но купец задержал меня.

— Что ты, что ты, как я тебя с пустыми руками отпущу? На, держи, — он вытащил из кармана кошелек, отсчитал пять купюр по десять рублей и протянул мне. Затем махнул Серафиму, стоящему на пороге:— Заверни Степе три форели и кило икры соленой дай, пусть ест.

Серафим кивнул и ушел, а Вениамин пошел меня провожать. К нам присоединились Ваня с Дарьей Ивановной.

Мальчику я показал Пепельную. С разрешения матери посадил Ваню на лошадь и покатал вокруг дома. В это время

Серафим принес мне довольно увесистую холщевую сумку, где лежали большие рыбины, завернутые в плотную бумагу, а рядом — банка с крупной зернистой красной икрой.

Провожали меня благодарственными словами и приглашали в гости. Было приятно. Но больше всего я был доволен собой. Тем, что смог помочь мальчику. Я бы это сделал даже без награды.

Проезжая по улице, где друг за другом стояли лавки, магазины и трактиры, я решил больше не тянуть с покупкой новой одежды, тем более купец мне щедро заплатил. Остановился у трехэтажного кирпичного здания с большой вывеской «Торговый дом».

Подвел Пепельную к коновязи, привязал поводья к железному кольцу и подошел к высокому крыльцу с двумя большими дверями. Через одну дверь люди входили, а через вторую выходили.

— Чего встал, разиня? Шевелись! — меня грубо толкнули в плечо.

Двое мужчин несли скрученный в рулон большой ковер. Я посторонился, пропуская их. Спустив рулон с крыльца, мужчины положили его на телегу и полезли в карманы. Один вытащил небольшую медную табакерку, а второй — кожаный мешочек.

— Говорят, табак снова в цене поднимется. Сколько ж можно?! — возмущенно выпалил мужчина в длинной рубахе, шароварах и с ярко-рыжей медной бородой. — Обычно-

му человеку не по карману будет такое удовольствие.

— Так ты бросай нюхать, Ермила, — хмыкнул второй, вытащил из мешочка щепотку золотисто-коричневого порошка, поднес к ноздрям и глубоко вдохнул. — Эх, хорошо... А-а-а-пчхи-и!

Смачно чихнув, он вытер нос рукавом и с довольным видом убрал мешочек обратно в карман. Даже на расстоянии двух метров я почувствовал тончайший аромат нюхательного табака, благоухающего смесью пряностей и свежих трав.

— Кабы было так легко бросить, — упавшим голосом сказал рыжебородый, глядя на остатки табака в медной табакерке. — Жена ругается. Сам понимаю, что все это ерунда и лучше бы детям пряников купил, но тянет так, что сил нет.

— Могу помочь, — подал я голос.

— Чего? — оба с удивлением посмотрели на меня.

— Могу избавить вас от зависимости. Если хотите, конечно.

— А кто ты таков? — заинтересовался рыжебородый и захлопнул крышку табакерки.

— Ученик знахаря. Мы недавно прибыли в город. Может, слышали?

Мужчины переглянулись и помотали головами.

— Не слышали ни о каком знахаре, — ответил рыжебородый и снова откинул крышку табакерки. — И что же, ты можешь сделать так, что я больше не захочу этот проклятуший табак нюхать?

Он сморщился, глядя на коричневый порошок, будто жаждал и ненавидел его одновременно.

— Да, могу, — решительно кивнул я.

— Что же для этого нужно? — с сомнением спросил он.

— Дайте свою руку.

— Какую тебе: левую или правую? — ухмыльнулся мужчина.

Он явно не воспринимал всерьез мои слова.

— Любую.

— Ну на, раз любую, — он протянул свободную руку.

Кончики большого и указательного пальца пожелтели от табака.

Я быстро нарисовал руны «Чистоты». Она на отлично справляется с такими зависимостями. Руна вспыхнула и пропала.

— Все, больше к табаку не притронетесь, — уверенно сказал я.

— Да ладно. Ерунда. Как это не притронусь? — с усмешкой проговорил он, взял щепотку табака и уже поднес к носу, но тут же с омерзением отдернул руку и высыпал табак на землю.

— Ты чего? — удивился второй.

— И ведь вправду больше не хочется. А как воняет — не передать, — рыжебородый сморщился и высыпал остатки табака из табакерки на землю. — И как я раньше эту дрянь нюхал?

Тут оба посмотрели на меня.

— Парень, ты волшебник, что ли? — протянул изумленный рыжебородый.

— Нет, только учусь, — улыбнулся я, взбежал на высокое крыльцо и потянул на себя массивную дверь.

Народу было — яблоку негде упасть. Я двинулся по коридору, с двух сторон от которого находились лавки с различными товарами. В воздухе витали запахи лакированного дерева, воска, промасленных тканей, кожи и тонкого парфюма.

Я с интересом заглядывал в каждую лавку. В одной увидел длинные ряды с цветными тканями, лентами и ажурными полосками. Во второй весь товар был изготовлен из кожи: сумки, ремни, кошельки, кобура и прочее.

На другой стороне коридора находились лавки с различной парфюмерией и всякими женскими штучками. Вскоре я добрался до огромного зала с коврами. С пестрыми расцветками и однотонные, большие и маленькие, круглые и прямоугольные, из разноцветных нитей и шерстяные — выбор был просто огромный.

Наконец я добрался до лавки, где продавали мужскую одежду. Кроме толстяка, примеряющего у зеркала кафтан, за прилавком стоял торговец в белоснежной рубашке и жилете. На вид ему было лет тридцать. Из под набок одетой фуражки выглядывал курчавый локон.

Увидев посетителя, он натянул неестественную улыбку и оценивающе оглядел меня с головы до ног.

— Чего желаешь? — спросил он, поздоровавшись кивком.

— Хотел бы приодеться. Пару рубашек, штанов, хорошие сапоги. Может, головной убор какой-нибудь подходящий подберем... — принялся перечислять я, но торговец остановил меня, подняв руку.

— А денег-то у тебя хватит? У меня лавка не из дешевых. Все фабричного качества. Носить — не сносить.

— Хватит, — я прижал руку к карману, в котором лежали деньги.

Торговец нехотя указал мне на лавку и двинулся к полкам с обувью.

— Размер у тебя какой?

Я понятия не имел, какой у меня размер, поэтому просто поднял ногу с сапогом и показал.

— Вот такой.

Продавец бросил оценивающий взгляд, перебрал несколько пар и, выбрав одну, вернулся ко мне.

— На-ка, примерь.

Это были сапоги из темной кожи, гладкие и блестящие.

Я тут же стянул сапоги, надетые на голые ноги, и примерил новую обувь. Какие же они были легкие и мягкие, даже снимать не хотелось.

— Беру, — кивнул я.

— Даже не спросишь, сколько стоят? — прищурился торговец.

— И сколько же?

— Восемь рублей, — он многозначительно посмотрел на меня.

— Беру, — повторил я.

В это время толстяк, что крутился у зеркала, покосился на меня, затем тяжело вздохнул и снял кафтан.

— Дорого. Подумаю, — зычным голосом сказал он торговцу, повесил кафтан на вешалку и вышел из лавки.

Торговец закатил глаза, но ничего не сказал и подошел к полкам с рубашками. Примерно через полчаса я вышел из лавки с тремя бумажными свертками с одеждой, за которую отдал почти пятнадцать рублей. По местным ценам — действительно очень дорого, но я был доволен качеством ткани и пошивом, поэтому даже особо не торговался. Правда, выпросил новый пояс.

Прежде чем поехать домой, перебежал дорогу и зашел в цирюльню, чтобы подстричь волосы. Два цирюльника брили бороды, еще один завивал горячими щипцами усы пожилому хорошо одетому господину.

— Подстричься пришел? — спросил молодой цирюльник, приложив горячее полотенце к лицу клиента. Это был мужчина в мундире, с погонями и медалями на груди. Выглядел он очень важно.

— Да.

— Правильно сделал, что пришел. С такими лохмами только вшей цеплять, — улыбнулся он, взглянув на мои

взъерошенные волосы. — Сядь посиди, сейчас освобожусь.

Внимательно осмотрев лицо бравого вояки, цирюльник прошелся возле ушей опасной бритвой, подправляя бакенбарды. Затем надушил клиента терпкими мускусными духами.

— Двадцать копеек пожалуйста, — протянул он руку.

Вояка, кряхтя, полез за пазуху, достал кошелек и отсчитал сумму мелкими монетами. Затем с трудом поднялся с кресла и, надев фуражку, вышел на улицу.

— Ну иди, малой, садись, — сказал мне цирюльник и указал на продавленное, замасленное от грязи кресло. — Чего ж тебя мамка не стрижет?

— Нет у меня мамки, — ответил я и пересел в кресло.

— О, пардон, ляпнул не подумав, — извинился он и, внимательно осмотрев мою голову, продолжил: — Как будем стричься? «Бобик», «А-ля Капуль» или «Тита» сделать?

— Чего-чего? — не понял я.

— Фух-х-х, деревенский, что ли? — недовольно выдохнул мастер.

— Так и есть.

— С тобой все понятно. Тогда слушай. «Бобик» — когда волосы вот здесь, на челке, короткие и торчат вверх. «А-ля Капуль», — он взял расческу и быстро расчесал мне волосы, — вот так — прямой пробор и полукругом стрижено. А «Тит» — это когда по бокам волосы острижены, а сверху щипцами завиты. Станешь похож на римского императора...

— А можно без всяких этих новомодных штучек? Просто подстриги, чтобы не мешались волосы, и все.

— М-да, сразу видно — деревенский, — недовольно сказал цирюльник и, набросив сверху на меня выдавшую виды простынь, принялся стричь.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем цирюльник сдул с меня состриженные волосы, критически оглядел и кивнул.

— Готово.

Мне результат тоже понравился: в меру короткая прическа, в глаза не лезет и на ушах не топорщится.

— Сколько с меня?

— Давай червонец.

— Червонец? У меня такого нет, — забеспокоился я. — Рубли только и копейки.

— Эх-х, деревня, десять копеек давай.

Я расплатился и вышел. Уже вечерело, солнце скрылось за домами, в воздухе висел запах дыма и дорожной пыли.

Купив килограмм моркови, скормил ее Пепельной и не спеша поехал домой. Возле дома стояла толпа, которая, увидев меня, недовольно загудела.

— Где ходишь, паря? Полдня тебя ждем!

— Эх, молодежь, только о себе и думают, а то, что здесь под солнцепеком старики стоят — им дела нет. Все нынче одинаковые — единоличники. Вот в наше время...

— Побегала я, бабоньки, домой за своим оглоедом, раз лекарь приехал! — женщина поправила платок и довольно

резво понеслась по дороге в противоположную сторону от меня.

— Успокойтесь, сейчас всех примем! — примирительно сказал я и завел Пепельную во двор.

На крыльцо мне навстречу вышел Ерофей.

— Явился — не запыхался. Где был?

— Купил себе кое-что из одежды, — я показал свертки, которые привязал к седлу.

— Пошевеливайся. Видишь, что творится? — он кивнул на толпу, где начались разборки из-за очереди.

— Дядька, что ж вы сами не принимаете? — спросил я, хотя и так знал ответ, просто еще раз хотел ему напомнить, что без меня он — никто.

— Тогда ты мне на кой черт, если сам все буду делать? — выкрутился он и зашел в дом.

Я отвязал покупки и занёс их в дом, загнал Пепельную в сарай и пошел за первым больным.

Им оказался крепкий, молодой и на вид здоровый мужчина. Однако, когда мы зашли в дом и он снял рубашку, я увидел на его спине целую россыпь мелких красных кружков. «Второе» зрение показало болезнь в виде зеленых личинок размером с ноготь.

— Чешется так, что мочи нет, — пожаловался мужчина. — Особенно по ночам. Чем только жена ни мазала: отваром луковой шелухи, крапивным соком, подорожник прикладывала — не помогает. Вы уж будьте любезны, знахарь, решите

мою проблему.

Ерофей вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул.

— Сейчас мой ученик все сделает. Извольте не беспокоиться.

Я нарисовал на спине мужчины руну, излечив ею болезнь и вернув себе шар энергии. Красные расчески исчезли прямо на глазах.

Мужчина подошел к небольшому зеркальцу, висящему на стене, и осмотрел спину.

— Так быстро, — поразился он. — И ведь не зудит совсем. Сильный же ты лекарь.

Ерофей улыбнулся и хотел что-то ответить, но мужчина посмотрел на меня и протянул руку.

— Благодарствую. Сколько попросишь за свою работу?

— Рубля хватит.

— Три давай, — вмешался Ерофей.

Ему явно не понравилось, что все внимание направлено на меня.

— Три рубля много, — сухо проговорил мужчина, метнув тяжелый взгляд на лекаря.

Затем достал из кармана купюру и протянул мне.

— Держи, честно заработал. Видать, не лгут про тебя. На самом деле очень силен.

После этих слов Ерофей еще сильнее напрягся.

— Давай, иди, не задерживай очередь! — прикрикнул он на мужчину и пошел его провожать.

Я уже хотел отправиться следом и привести следующего больного, но лекарь схватил меня за руку и указал на лавку.

— Есть разговор, присядь-ка.

Я опустил ся и вопросительно уставился на него.

— Так дело не пойдет. Надо что-то придумать, — покусывая нижнюю губу, проговорил Ерофей.

— Вы о чем, дядька?

— Здесь я — знахарь, а ты всего лишь принеси-подай, ясно? — рявкнул он недовольным голосом. — Не тебя должны благодарить, а меня.

— Как же вас — если я все сделал? — запротестовал я.

— Я бы и без тебя справился, — отмахнулся он. — Теперь будем действовать по-другому. Пока я настойку не продал, ты свои руны не рисуешь. Понял?

— После руны настойка больше не нужна.

— Они этого не знают, поэтому пусть пьют и думают, что только благодаря мне они выздоровели.

— Тогда, может, мне вообще руны не рисовать? — с трудом скрыв улыбку, ответил я.

— Рисуй, а то настойка не всегда помогает. Но так, чтобы они ни о чем не догадались.

— Не получится. Люди чувствуют, когда руна срабатывает.

— Это уже не твоя забота. Придумаю что-нибудь, — буркнул он и махнул мне рукой. — Веди следующего.

Следующей была женщина, страдающая язвами. На этот

раз Ерофей разыграл целое представление. Сначала он продал настойку, которую сделал из тысячелистника, череды, кора дуба и корня лопуха. Затем взял ее руку и просто поводил по ней пальцем. Так, как обычно делаю я.

— Мой ученик завершит руну, которую я изобразил, и вам станет лучше, — предупредил он и многозначительно посмотрел на меня.

Руны «Чистоты» и «Исцеления» справились с задачей, а женщина поблагодарила не меня, а лекаря, думая, что ей стало лучше только из-за её влияния.

На этот раз Ерофей был доволен собой. Больше он не на втором плане, а вновь знаменитый сибирский знахарь-шептун.

До позднего вечера мы принимали людей. Ерофей старательно делал вид, что он не только шептун, но и травник, а также рунный мастер. Он до того обнаглел, что начал придумывать названия для своих несуществующих рун: «Храпус», «Пузырен», «Шаровар» и прочее. Я же будто лишь заканчивал дело великого знахаря и сам почти никаких сил не имел.

Последней пациенткой была высокая худая женщина с постным лицом.

— Что вас беспокоит, любезная? — устало выдохнул Ерофей.

— Если вы сибирский знахарь — значит, можете то, что другие не могут. Верно? — уточнила она.

— Все могу, — решительно кивнул Ерофей.

— Только сначала пообещайте, что не сдадите меня слу-
жителям «Лица Истинного».

Мы с Ерофеем переглянулись Оба поняли, что сейчас
что-то будет.

— Обещаем. Никаких «Ликов» здесь не будет, — уверил
Ерофей.

— Хорошо, — с облегчением выдохнула она. — Стало
быть, могу вам открыться... В меня вселился злой дух.

Глава 6

Мы с Ерофеем недоуменно уставились на женщ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.